

УДК 316: 331.5
ББК 60.561.23
С 323

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор *А. Я. Троцкий*;
кандидат социологических наук *Л. В. Родионова*

Сергиенко А. М.

С 323 Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ [Текст] : монография. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. — 298 с.
ISBN 978-5-7904-1435-0

В монографии представлены результаты исследования тенденций и механизмов трансформации социально-экономической и социально-политической активности россиян на рынке труда в годы рыночных реформ. Особое внимание в работе уделяется анализу специфики трансформации активности жителей трех регионов Сибири (Алтайского края, Республики Алтай и Новосибирской области), в т. ч. проживающих в сельской местности, а также социальной политике как механизму регулирования активности.

В монографии представлены результаты многолетних исследований, проведенных под руководством или при участии автора и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, Московского общественного научного фонда и Агентства США по международному развитию (USAID), АНО «Независимого института социальной политики» и Фонда Форда и др.

Монография адресована социологам, экономистам, политологам, аспирантам и студентам, может представлять интерес для ученых и практиков, занимающихся проблемами социальной политики, рынка труда, занятости и доходов населения.

УДК 316: 331.5
ББК 60.561.23

*Настоящее издание опубликовано в рамках реализации
Программы стратегического развития Алтайского
государственного университета*

ISBN 978-5-7904-1435-0

© Сергиенко А. М., 2013
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2013

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И РЕГИОНОВ СИБИРИ В ГОДЫ РЕФОРМ

4.1. Тенденции трансформации активности населения на рынке труда

На основе методологических подходов (деятельностно-активистском, социоструктурном и трансформационном) и результатов анализа статистических и социологических данных нами выявлены тенденции трансформации активности населения России, в т. ч. ее сибирских регионов в годы реформ, что наиболее ярко проявлялось в 1990-х — первой половине 2000-х гг. Рассмотрим основные из них.

1. Неравномерность динамики, этапность формирования и реализации активности россиян на рынке труда. По данным Госкомстата РФ, в 1990-х гг. (до 1998 г. включительно) в стране наблюдалось сокращение экономической активности и занятости населения (рис. 4.1). В 1992 г. уровень экономической активности россиян составлял 70,3%, сократившись к 1998 г. до 61,1%¹, т. е. на 9,2 процентных пункта (п.п.). Уровень за-

¹ Рассматриваемый статистический показатель уровня экономической активности россиян рассчитывается как отношение численности экономически активного населения к его численности в возрасте от 15 до 72 лет (т. е. потенциально экономически активного населения). При этом к экономически активным относится занятое в экономике население и безработные, численность которых оценивается по методике МОТ (Международной организации труда). К последним, в частности, относятся лица, не имеющие занятия, активно ищущие работу и готовые к ней приступить.

нятости россиян (в возрасте от 15 до 72 лет) за данный период снизился на 13,7 п.п.: с 66,7% в 1992 г. до 53,0% в 1998 г. (год дефолта российского рубля). Соответственно обратные тенденции характерны для безработицы: уровень безработицы вырос с 5,2 до 13,2%.

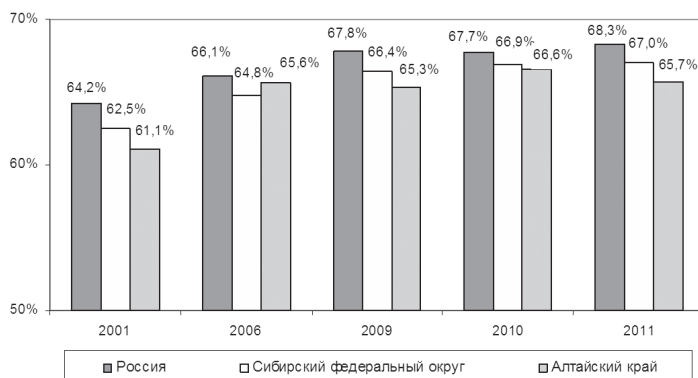
Источник: данные Росстата.

Рис. 4.1. Уровни экономической активности, занятости и безработицы населения России в возрасте 15–72 года в 1992–2000 гг., %

Аналогичные тенденции характерны и для сельского населения, однако острота проблем снижения экономической активности и занятости, роста безработицы здесь проявилась более ярко: по данным Росстата, уровень активности сократился с 65,6 до 55,4% (на 10,2 п.п.), занятости — с 63,2 до 47,9% (на 15,3 п.п.), безработица выросла с 3,7 до 13,5% (в 3,6 раза).

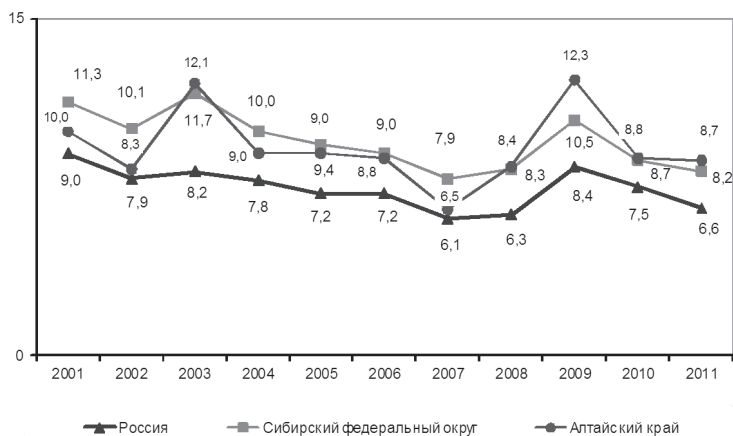
С 1999 г. начался перелом в негативных процессах сокращения активности и занятости россиян, наблюдались непрерывный рост занятости до 68,3% и менее устойчивое сокращение безработицы до 6,6% в 2011 г. (при минимальном значении, равном 6,1%, в последнем случае с более значительными изменениями в тренде в колебаниями) (рис. 4.2–4.3), что связано с вступлением в период экономического роста, продолжавшегося до глобального финансового кризиса, поколебавшего на один год (2010 г.) позитивные тенденции.

В регионах Сибири, особенно в аграрных регионах, негативные процессы сокращения экономической активности и занятости, роста безработицы выразились более значительно в 1990-х гг., и в следующем десятилетии (2000-х гг.) происходило более заметное восстановление до-реформенного уровня в сравнении с Россией в целом (рис. 4.2–4.3). Так,

Источник: данные Росстата.

Рис.4.2. Уровень экономической активности населения России, Сибирского федерального округа и Алтайского края в 2001–2011 гг., %

Источник: данные Росстата.

Рис.4.3. Уровень безработицы населения России, Сибирского федерального округа и Алтайского края в 2001–2011 гг., %

по данным Росстата, экономическая активность сибиряков в 1992–2000 гг. упала с 70,3 до 65%, в Алтайском крае — с 67,7 до 62,7%; безработица в 1993–2000 гг. выросла в первом случае с 6,0 до 12,8% (при максимальном значении 15,2% в 1998 г.), в крае — с 6,7 до 11,7% (при максимуме, равном 16,1%, в том же 1998 г.). В 2000-х гг. активность сибиряков на рынке труда достигла 67% в 2011 г., жителей Алтайского края — 65,7%, безработица упала до 8,2 и 8,7% соответственно.

Анализ статистических данных, а также экспертного опроса руководителей региональных и муниципальных органов управления и директоров предприятий показал, что можно выделить **четыре этапа (фазы) трансформации активности россиян на рынке труда**: I (1992–1994 гг.) — начальный этап перехода к рыночным отношениям, в т. ч. в сфере труда и занятости, совпадающий с периодом либерализации и массовой приватизации; II (1995 г. — 1-я половина 1998 г.) — этап активного институционального формирования рыночных отношений, в т. ч. создания государственных и общественных институтов рынка труда; III (2-я половина 1998 г. по 2008 г.) — этап стабилизации в последефолтный период и активного развития рынка труда в период экономического роста; IV (с 2009 г. по настоящее время) — этап адаптации рынка труда к глобальному экономическому кризису. В начальный период реформ (I этап) социально-экономическая активность населения на рынке труда значительно возросла и дифференцировалась по видам и формам проявления, по стратегиям отдельных социальных групп и набирала темпы до кризиса 1998 г. (II этап). К концу десятилетия эти процессы стабилизировались, меньшее распространение получила социально-экономическая активность, приводящая к значительному изменению социального статуса основных акторов рынка труда, в т. ч. такие социально-экономические стратегии, как поиск и смена основного места работы, открытие собственного дела. Кроме того, по оценкам экспертов-руководителей предприятий, произошло сокращение теневых форм социально-экономической активности, связанных, например, с использованием фондов предприятия, воровства. Распространенность действий, связанных с ростом и дифференциацией конкурентоспособности рабочей силы (интенсификация труда, повышение образования и квалификации, требования повышения уровня заработной платы и обеспечения социальных гарантий и др.), продолжала расти и в 2000-х гг.

Что же касается социально-политической активности на рынке труда, то ряд исследователей (В. Х. Беленький, В. Т. Кривошеев, Ю. Е. Раствов, А. Л. Темницкий и др.) считает, что, несмотря на ожидания ученых

и политиков, уровень такой активности вырос незначительно, массовая приватизация не привела к противостоянию предпринимателей и работодателей, с одной стороны, и работников, объединенных профсоюзами, — с другой [17, 100, 150, 192]. Пик социально-политической активности также наблюдался в конце 1990-х гг., и в начале 2000-х г. отмечается сокращение всех ее видов и форм [100, 150, 192]. Причиной сравнительно низкой политической активности на рынке труда стали неразвитость слоя собственников, предпринимателей как субъектов социального партнерства, слабость институтов гражданского общества, общественных ассоциаций и организованных групп интересов, социальная незащищенность основной массы населения и сильнейшее социальное расслоение общества, патерналистские настроения россиян, а также неэффективность политики регулирования социально-трудовых отношений на различных уровнях управления и несовершенство правовой базы в переходный период страны к рыночной экономике [17, 100, 150, 182, 192].

Значительно повлияли на процессы трансформации социально-политической активности дореформенные социальные практики в сфере социально-трудовых отношений. Господствующая советская идеология отрицала классическую концепцию трудовых отношений, подразумевающих наличие конфликтов, переговоров и сотрудничества между работниками, работодателями и промышленными органами, забастовок. Командно-административная советская система основывалась на мифической идеологии гармонии между всеми субъектами трудовых отношений, отрицающей саму возможность таких форм и акций.

Низкая социально-политическая активность на крупных и средних предприятиях к началу 2000-х гг. сопряжена с их неустойчивым финансово-экономическим положением, малочисленностью или отсутствием профсоюзных организаций, безынициативностью профсоюзных лидеров и их соглашательством с администрацией предприятия. На малых предприятиях обычным явлением стало отсутствие профсоюзных организаций, для них была характерна недостаточная организованность и незнание своих прав рядовыми работниками. В бюджетных организациях в этот период коллективные договоры хотя и заключались, но из-за недостатка средств они фактически не выполнялись и не контролировались [100, с. 43].

В целом к началу 2000-х гг. можно говорить о «неустойчивой стабилизации» потенциала и реальных проявлений социальной активности на рынке труда, «плохом равновесии» в развитии российского общества (такие оценки можно было встретить в работах Р. В. Рывкиной, В. А. Ядова, А. А. Яковлева и др. в начале 2000-х гг. [159, 161, 186]).

Рынок труда начал активно развиваться в связи с благоприятной международной конъюнктурой цен на энергоносители, проведением институциональных реформ в социально-экономической сфере, начиная с 2002 г., в т. ч. введением Трудового Кодекса РФ, что позитивно отразилось на формировании массовых конструктивных стратегий активности населения вплоть до глобального экономического кризиса. Это дает основание для выделения самостоятельного IV этапа в трансформации активности населения на рынке труда с 2009 г., но весь этот период выходит за границы нашего исследования.

2. Развитие гибкости, рост дифференциации проявления социальной активности на рынке труда, появление множества ее новых форм и видов. Формирование рынка труда, его институциональных основ, общества открытого типа, информационных технологий привело к расширению потенциальной свободы выбора сфер приложения труда, характера и норм социально-экономической и социально-политической активности. Массовыми, сравнительно новыми видами активности россиян на рынке труда стали предпринимательство (фермерство, негосударственные формы торговли и оказания социально-бытовых услуг населению, посредническая деятельность и др.), вторичная и третичная занятость, поиск работы как безработными, так и занятыми на «плохих» (формирующих социальные эксклюзии) рабочих местах, трудовая миграция (как сезонная, так и маятниковая), уход с рынка труда («бомжевание») и т. д. В 2000-х гг. распространение получают различные дистанционные формы социально-экономической активности (работа и обучение через Интернет). В то же время не исчезли, но существенно модифицировались и потеряли свое значение отдельные дореформенные виды и формы социально-экономической активности, такие, как, например, перепродажа товаров (дефицитных или с высокой территориальной дифференциацией цен).

Динамичное развитие дополнительной занятости в 2000-х гг. проявляется в самых разнообразных видах и формах, в т. ч. в виде постоянной или временной (вторичной, третичной) занятости на своем или других предприятиях, случайных подработок, производства и реализации продукции домохозяйств и т. д. (см. в работах З. Голенковой, В. Кабиной, З. Калугиной, С. Кларка, И. Поповой, Г. Силласте, О. Фадеевой и др. [43, 62, 77–81, 141, 204, 205]).

Усиление различий в социальном положении акторов и благополучии условий их жизнедеятельности, в т. ч. в развитости рынка труда в рассматриваемый период (подробнее см. в п. 4.2) и в развитости рынка труда,

привело к росту социально-экономической активности, сопровождающейся самостоятельным пространственным перемещением экономически активной части населения в направлении тех территорий (крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, сырьевых и других регионов с выгодной отраслевой специализацией, а также других стран), где возможности получения доходов являются более благоприятными [153, с. 117–126; 182, с. 543–558; 188, с. 543–565].

Переход к рыночным отношениям значительно ослабил ограничения «системы прописки» и позволил де-факто трудоустроиться и зарабатывать, получать другие виды доходов не по месту прописки. Такого рода доходы в отдельных случаях давали возможность аренды жилья по месту работы трудового мигранта, переезда всей семьи, и в редких случаях — покупки жилья. Возможности трудоустройства открывались как для высококвалифицированной, наиболее образованной части населения (например, с экономическими профессиями, востребованными на рынке труда), так и для наименее квалифицированной части населения, хотя и с различными перспективами: для первых появлялась возможность социальных перемещений вверх по стратификационной лестнице, для вторых в большинстве случаев это была лишь возможность поддержания семейного бюджета и выживания в тяжелых экономических условиях. Таким образом, пространственные перемещения в годы рыночных реформ в России способствовали социальному расслоению, частично основанному на образовательном и профессионально-квалификационном статусах. В крупных городах и наиболее развитых сферах экономической жизни повысился спрос на профессионалов разного профиля, знающих иностранные языки, умеющих работать на компьютере и т. д. Это послужило, в частности, дополнительным толчком к получению высшего экономического, юридического и другого образования, навыков в пользовании компьютером, развитию знания языков.

Другую картину пространственной социально-экономической активности на рынке труда представляет переселение беженцев и вынужденных мигрантов [153, с. 117–126; 182, с. 543–558; 188, с. 543–565]. Так, в начале 1990-х гг. появление в российских городах выходцев из разных районов Кавказа, Казахстана и Средней Азии, внедрение их на локальные рынки труда породили новые формы теневого поведения, в том числе такие противоправные, как создание нелегальных кордонов, препятствующих свободному перемещению товаров на рынки, взимание «дани» с коренного населения за право на труд, поборы с тех, кто отказался от участия в криминальных сделках и др. В 2000-х гг. такое пере-

мещение получило характер массовой трудовой миграции иностранцев в Россию как в легальной, так и нелегальной формах, соответственно имеющей в большей мере позитивные результаты, но со значительной деструктивной составляющей (плохие условия труда и жизни нелегальных мигрантов, теневые доходы работодателей и др.).

Результаты отечественных исследований показали, что трансформационные изменения в активности населения на рынке труда в годы рыночных реформ проявились в *возрастании популярности стратегий всех трех выделенных нами моделей (типов) социально-экономической активности населения в зависимости от конструктивности и инновационности воздействия на рынок труда* (см. в п. 3.1). В рамках модели конструктивных, инновационных стратегий активности реализовывались такие стратегии как повышение образования и квалификации в соответствии с потребностями рынка, поиск основных рабочих мест и трудоустройство в соответствии с квалификацией, развитие цивилизованных форм бизнеса, создание работодателями конкурентоспособных рабочих мест, требование своевременности выплаты и увеличения заработной платы со стороны наемных работников. Модель деструктивных стратегий характеризовалась следующими действиями: чрезмерная интенсификация труда, приводящая к ухудшению здоровья, и, напротив, снижение трудовой нагрузки, следствием чего являлось недоиспользование трудового потенциала; трудоустройство на рабочие места, не соответствующие качеству рабочей силы (например, требующие более низкой квалификации); распространение неправовых трудовых практик, теневых форм активности. К модели смешанных стратегий относились расширение или сокращение личного подсобного хозяйства, трудоустройство на дополнительную работу, выезд на заработки в другие населенные пункты.

Наибольшее распространение в переходной России получили согласно типологии, предложенной Н. В. Поляковой [139, с. 57], такие стратегии, как «Максимизация (интенсификация и экстенсификация) труда», «Максимизация расходования рабочей силы» (ориентация на выполнение тяжелых, вредных и/или опасных видов труда ради высоких доходов), действия «на перспективу» (ориентация на содержательный, развивающий труд, ведущий к высокому профессионализму, на невысокую зарплату в настоящее время и на высокие доходы в будущем) и криминальные стратегии; появились различные формы иждивенчества как экономической стратегии. В сравнении с дореформенным периодом сократилась «популярность» стратегии «минимизации

труда» (ориентация на короткий рабочий день, нетяжелый труд и на небольшие доходы).

Анализ социально-экономической активности населения, проживающего в проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности, показал более высокий уровень распространения стратегий, связанных с максимизацией труда и расходования рабочей силы, зачастую приводящих к негативным последствиям для актора и деструктивных для развития рынка труда. К основным социально-экономическим и социально-политическим действиям жителей агропромышленного региона (Алтайский край) относились, по мнению самих жителей, интенсификация труда, поиск основных и дополнительных рабочих мест, повышение образования и квалификации, требования увеличения заработной платы и регулярности ее выплат в виде переговоров и протестных действий (табл. 4.1–4.4).

Таблица 4.1

**Стратегии активности наемных работников
на рынке труда в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		население в целом	I	II	III
1	Добивался повышения уровня заработной платы	17,0	13,6	22,3	35,5
2	Добивался регулярности выплат заработной платы	13,0	16,2	6,9	6,5
3	Добивался увеличения социальных гарантий (пенсионное страхование и т.д.)	1,7	1,5	2,0	3,2
4	Увеличивал интенсивность, производительность труда	28,6	26,8	32,2	32,3
5	Снизил трудовую нагрузку	4,6	5,4	3,0	3,3
6	Участвовал в реализации продукции предприятия	12,4	9,5	18,8	12,9
7	Использовал оборудование предприятия в целях дополнительного заработка	5,4	4,1	7,4	12,9
8	Искал другое основное место работы	23,5	23,6	22,3	29,0
9	Искал дополнительную работу	17,9	17,7	17,3	29,0
10	Продавал, сворачивал ЛПХ	4,3	4,5	4,0	3,2
11	Ушел с дополнительной работы (в связи с увеличением нагрузки по основному месту работы)	2,3	1,1	5,4	0

Окончание таблицы 4.1

12	Повышал образование, квалификацию	32,3	27,1	41,1	48,4
13	Расширял ЛПХ	21,1	24,5	15,3	6,5
14	Пытался открыть свой бизнес	8,1	4,8	12,4	29,0
15	Ничего не предпринимал	12,1	14,9	7,4	3,2
16	Другое	1,7	1,7	2,0	0

Таблица 4.2

**Стратегии активности самозанятых на рынке труда
в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		насе- ление в целом	I	II	III
1	Открывал и развивал собственный бизнес	73,0	61,0	79,2	93,3
2	Пытался использовать наемный труд, но это оказалось невыгодно	11,5	8,5	14,6	13,3
3	Временно закрывал свой бизнес в связи с экономическими и правовыми трудностями	9,8	11,9	6,3	13,3
4	Перепрофилировал производство, изменил вид деятельности	12,3	8,5	14,6	20,0
5	Повышал образование, квалификацию	24,6	18,6	31,3	33,3
6	Приобретал, развивал ЛПХ	21,3	25,4	20,8	13,3
7	Продавал, сворачивал ЛПХ	5,7	6,8	2,1	13,3
8	Другие формы занятости	8,2	11,9	4,2	6,7
9	Выезжал в другой город с целью развития бизнеса	20,5	16,9	18,8	40,0
10	Пытался трудоустроиться по найму на высокооплачиваемую работу	19,7	27,1	12,5	6,7
11	Принимал на работу членов своей семьи	17,2	10,2	20,8	33,3
12	Другое	1,6	3,4	0	0

* I — группа с низкими доходами (до 1 ПРМ на 1 члена семьи);

II — группа со средними доходами (1–3 ПРМ);

III — группа со сравнительно высокими доходами (более 3 ПРМ)

Таблица 4.3

**Стратегии активности работодателей на рынке труда
в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		население в целом	I	II	III
1	Открывал и развивал собственный бизнес	79,1	91,7	62,5	85,7
2	Перепрофилировал предприятие	16,3	8,3	25,0	14,3
3	Временно приостанавливал деятельность предприятия в связи с экономическими и правовыми трудностями	16,3	25,0	6,3	21,4
4	Вынужденно снижал затраты на производство основных фондов	18,6	25,0	12,5	21,4
5	Вынужденно снижал затраты на рабочую силу	7,0	8,3	6,3	7,1
6	Старался удерживать рабочие кадры путем увеличения зарплаты	39,5	25,0	56,3	35,7
7	Повышал образование, квалификацию	41,9	41,7	37,5	42,9
8	Пытался трудоустроиться по найму на высокооплачиваемую работу	9,3	16,7	12,5	0
9	Принимал на работу членов своей семьи и других родственников	32,6	25,0	25,0	50,0
10	Закрыв собственный бизнес, разорился	2,3	8,3	0	0
11	Закрыв собственный бизнес по другим причинам	4,7	8,3	6,3	0
12	Другое	2,3	0	6,3	0

Таблица 4.4

**Стратегии активности безработных на рынке труда
в 1991–2001 гг., %***

№ п/п	Действия, стратегии	Доля лиц, осуществляющих действия			
		население в целом	I	II	III
1	Обращался в государственную службу занятости	57,4	60,6	42,1	50,0
2	Обращался в негосударственную службу занятости	14,8	12,1	26,3	50,0
3	Обращался к родственникам и знакомым	57,4	55,6	57,9	50,0

Окончание таблицы 4.4

4	Обращался непосредственно на предприятия, в организации, фирмы, звонил по объявлениям	50,8	49,5	42,1	100,0
5	Обращался в местные органы власти (администрация села, района, города)	14,8	15,2	10,5	0
6	Повышал уровень образования и квалификацию	12,3	12,1	10,5	0
7	Расширял ЛПХ	15,6	15,2	21,1	0
8	Сворачивал ЛПХ	5,7	5,1	10,5	0
9	Выезжал в другой город в поисках работы и заработка	9,8	9,1	5,3	100,0
10	Предпринимал попытки открыть собственное дело	9,8	10,1	5,3	50,0
11	Пытался получить статус безработного	19,7	22,2	15,8	0
12	Ничего не предпринимал	5,7	5,1	15,8	0
13	Другое	2,5	3,0	0	0

* I — группа с низкими доходами (до 1 ПРМ на 1 члена семьи);

II — группа со средними доходами (1–3 ПРМ);

III — группа со сравнительно высокими доходами (более 3 ПРМ).

По экспертным оценкам, массовым стало также предпринимательство и смена профессии. Причем интенсификация и экстенсификация труда (вторичная и третичная занятость) отличались чрезмерностью, часто происходило трудоустройство на рабочие места, требующие более низкой квалификации.

Значительная часть социально-экономических процессов, происходящих в российском обществе в этот период, связана с повышением роли и значимости домашнего и личного подсобного хозяйства, в т. ч. так называемое отходничество «возвращенцев» (обратная миграция горожан — бывших сельских жителей в села в начале 1990-х гг.), увеличение числа семей, имеющих садовые и огородные участки, дачи, появление фермерства, сокращение спроса на социально-бытовые услуги и, соответственно, увеличение нагрузки на членов домохозяйства по выполнению домашних работ, связанных с этими услугами (приготовление пищи, стирка, ремонт обуви, одежды, жилья и др.). Отечественные исследования сельских домохозяйств показывают, что тенденции их развития в годы рыночных реформ в России подтверждают положе-

ния теории моральной экономики крестьянства Дж. Скотта как «этики выживания» [31, с. 202–210].

В агропромышленном регионе занятость в личном подсобном хозяйстве, его приобретение и развитие в годы реформ относятся к распространенным стратегиям активности не только селян, но и горожан. При этом развитие личного подсобного (точнее семейного крестьянского) хозяйства является основной формой социально-экономической активности сельских жителей. В процессе адаптации селян к новым социально-экономическим условиям такое хозяйство сыграло ведущую роль, являлось основой выживания, его значимость заметно возросла. Как отметил один из экспертов, «*Крестьянин держится за счет собственного подворья*».

За годы реформ население России опробовало, освоило (приняв либо отбросив) множество новых стереотипов социально-экономического поведения: с одной стороны, конструктивных, по словам Р.В. Рывкиной, «соответствующих рыночной экономике и культуре цивилизованных стран мира» (среди них операции с обменом валюты, поиск основной и дополнительной работы, получение безработными соответствующего статуса на рынке труда), а с другой стороны — «обход тех или иных законов, моральных и гражданских запретов, нарушение тех или иных известных норм» [161, с. 278–284].

По оценкам экспертов, трансформационный период до начала 2000-х гг. характеризуется, с одной стороны, кардинальным сокращением конструктивных, инновационных стратегий — таких, как рационализаторство, изобретательство и другие формы участия в инновационной деятельности предприятия, с другой — распространением теневых форм экономического поведения, проявляющихся в использовании фондов предприятия (оборудования, помещения, материалов и т.п.) в личных целях, незаконных действиях, связанных с увеличением доходов (воровством, обсчетом, обвесом клиентов и т.п.) и др. Так, предпринимательская деятельность в 1990-х гг. сопряжена с массовым «уходом от налогообложения» (эта «стратегия» получила наиболее высокий ранг среди всех социально-экономических действий работодателей). Но наряду с очевидными негативными последствиями теневизации необходимо отметить, что в условиях меняющегося общества *неформальный сектор экономики сыграл роль социального амортизатора в развитии рынка труда*. Значительная часть стратегий, реализующихся в тот период в неформальном секторе, справедливо относится исследователями к «экономике выживания».

3. Колоссальное (сверхнормативное) расслоение российского общества по возможностям проявления активности социальных групп на рынке труда, в первую очередь групп, различающихся статусом занятости на рынке труда, квалификацией, отраслевой принадлежностью основного занятия, доходами, демографическими и территориальными характеристиками.

Социально-экономическая и социально-политическая активность наемных работников в годы рыночных реформ (по их мнению и оценкам директоров предприятий) проявлялась в том, что они:

- *увеличивали интенсивность труда*: распространенность этих действий росла с начала 1990-х гг. Особенно заметно это проявилось на III этапе трансформации активности на рынке труда (после кризиса 1998 г.): эксперты отнесли такие действия к наиболее часто используемым — 58% ответов;
- *повышали образование и квалификацию* с динамикой, аналогичной предыдущему пункту. На III этапе это вторая по распространенности стратегия (частота наибольшей распространенности — чуть выше 50% ответов экспертов);
- *искали дополнительную работу*: распространенность такого рода действий наиболее значительно выросла на II–III этапах (40% ответов по III этапу);
- *искали другую основную работу, уходили с предприятия*: распространенность увеличилась на I этапе (46% ответов), сохранилась на II-м и резко снизилась на III этапе (26% ответов);
- *добивались повышения уровня заработной платы и регулярности ее выплат*: наиболее активно — на II этапе (так считает каждый второй эксперт). Именно в этот период наблюдался наиболее значительный рост протестных действий. На III этапе распространенность требований повышения и регулярности зарплаты значительно сократилась (около 20%);
- *использовали основные фонды предприятия в личных целях* как без разрешения, так и с неформального разрешения руководства. Популярность этих действий резко возросла на I этапе, затем постепенно снижалась (35% ответов на II этапе) и особенно заметно упала на III этапе (15%);
- *участвовали в реализации продукции предприятия, осуществляли незаконные действия, связанные с увеличением доходов* (мелкие хищения, обвес и обсчет клиентов, не оформленные документально «чаевые» и др.). Такие действия наблюдались в основном до III этапа, позже значительно реже (менее 10% ответов).

Требования повышения уровня социальных выплат на предприятии не получили существенного распространения. Популярность таких действий среди наемных работников снизилась с началом рыночных реформ, особенно резко в середине 1990-х гг. (табл. 4.1).

В целом большинство руководителей крупных и средних предприятий отметили некоторое улучшение отношения работников к труду к началу нового десятилетия. Это выражается в том, что работники стали «больше дорожить рабочими местами, лучше работать и реже прогуливать».

Значительно различается характер активности на рынке труда *разнодоходных групп наемных работников* (табл. 4.1). Бедные (низкодоходные) работники (со среднедушевыми доходами в семье на уровне прожиточного минимума и ниже) чаще, чем более благополучные в материальном отношении группы работников, требовали своевременно выплачивать заработную плату (в 2,4–2,5 раза чаще, чем среднедоходные и высокодоходные группы работников). Они чаще были вынуждены по разным причинам (в связи с полной или частичной потерей работы из-за приостановки деятельности или закрытия предприятия, плохого здоровья и др.) снижать трудовую нагрузку (в 1,8 и 1,6 раза чаще) и заниматься личным подсобным хозяйством (1,6 и 3,8). Более благополучные группы наемных работников (высоко- и среднедоходные) чаще требовали повышения заработной платы (в 1,6 и 2,6 раза чаще, чем в группе низкодоходных) и социальных гарантий (в 1,3–2,1 раза чаще), участвовали в реализации продукции предприятия (2 и 1,4), использовали оборудование предприятия в личных целях (1,8 и 3,2), повышали свое образование и квалификацию (1,5 и 1,8), пытались открыть собственное дело (2,6 и 6).

На основе оценок руководителей региональных органов управления и директоров предприятий выявлены *стратегии социально-экономической активности работодателей*¹.

Во-первых, в годы рыночных реформ работодатели массово открывали и развивали собственный бизнес. При этом в связи с экономическими и правовыми трудностями низкодоходные работодатели чаще (чем средне- и высокодоходные) вынуждены были приостанавливать деятельность предприятия (в 1,2 и 4 раза) либо вовсе его закрывать (в 1,5 раза чаще, чем среди среднедоходных, среди высокодоходных не встречается) (табл. 4.3). Число таких случаев заметно

¹ Социально-политическая активность работодателей (как акторов социальной политики) и тенденции ее трансформации рассмотрены в п. 5.2.

сократилось на III этапе. К стратегиям средне- и высокодоходных работодателей относятся перепрофилирование и реорганизация предприятий. Это происходило в 3 и 1,7 раза чаще на таких предприятиях, чем на предприятиях низкодоходных работодателей.

Во-вторых, работодатели снижали затраты на воспроизводство рабочей силы. Снижение таких затрат являлось второй по популярности стратегией на I этапе трансформации активности (50% ответов экспертов). Распространенность данной стратегии уменьшалась на II этапе незначительно, и на III этапе — существенно (25% ответов).

В-третьих, работодатели массово снижали затраты на воспроизводство основных фондов. Это была самая популярная стратегия на I этапе. На II и III этапах ее распространенность постоянно снижалась, в т. ч. в два раза — на III этапе. Реализовывали эту стратегию преимущественно низкодоходные работодатели (в 2 и 1,2 раза чаще, чем две другие относительно благополучные в материальном отношении группы работодателей).

В-четвертых, работодатели массово повышали свое образование и квалификацию. С началом реформ (на I этапе) распространенность таких действий снизилась (более чем в 1,5 раза — с 40 до 24%), затем непрерывно увеличивалась (почти вдвое — на II этапе, на III-м — до 63%).

Значительно различалась социально-экономическая и социально-политическая активность руководителей предприятий *бюджетных и внебюджетных, сырьевых и несырьевых отраслей экономики*. Характеризуя активность руководителей предприятий сырьевых отраслей, Т. И. Заславская отметила, что «в условиях ослабления прямого регулирования доходов предприятий со стороны государства, слабого использования им финансовых рычагов предприятия-монополисты (особенно в добывающей промышленности — угольной, газовой, нефтяной) получили широкую возможность присваивать сверхприбыли, дифференцированную ренту, распределяя их между своими работниками и частью государственных чиновников» [68, с. 86].

При расширении потенциальных возможностей проявления социально-экономической и социально-политической активности на рынке труда для всех групп (категорий) населения за годы реформ произошло значительное сокращение реальных возможностей ее проявления для бедных категорий населения. И, напротив, расширились как потенциальные, так и реальные возможности проявления активности для обеспеченных категорий населения включая развитие бизнеса, получение высокопрофессионального, востребованного на рынке образования и др.

Социально-экономическое поведение бедных групп населения отличалось меньшей активностью, более частым использованием ее «пассивных форм» (а именно: снижением трудовой нагрузки, дополнительной занятости, самозанятости) и более частым использованием форм вынужденной активности (таких, как требования регулярности выплаты заработной платы, сохранение и развитие личного подсобного хозяйства и другие виды неформальной занятости и др.). Бедные группы населения, имея, как правило, низкий уровень профессионализма и квалификации, затрачивали заметно больше времени на домашний труд и ЛПХ, чем высокодоходные группы (табл. 4.1–4.4).

Бедным в большей степени свойственна пассивная стратегия, большая их доля (от 15 до 20 % по разным группам занятых) не предпринимала никаких социально-экономических и социально-политических усилий для улучшения своего социально-экономического положения. Это свидетельствует о том, что низкий уровень доходов, их сокращение, выходящее далеко за границы нормального социального воспроизводства, приводят к резкому снижению экономической мотивации.

Для выявления наиболее эффективных стратегий преодоления бедности и основных групп риска бедности мы провели сравнительный анализ особенностей социально-экономического положения и активности на рынке труда трех групп бедного населения: «*бывших бедных*» (тех, кто в 1991 г. относил себя к бедным и к началу 2000-х гг. сумел преодолеть бедность, имеет средние или высокие доходы в расчете на члена семьи), «*постоянно бедных*» (тех, кто весь рассматриваемый период оставался бедным) и «*новых бедных*» (табл. 4.5). Как показали результаты исследования, изначально более выгодные позиции и активное использование выигрышных стратегий поведения на рынке труда (эффективная интенсификация труда, основная и дополнительная занятость в прибыльных отраслях, повышение квалификации и статуса занятости, активный поиск выгодной основной и дополнительной работы, развитие конкурентных направлений бизнеса, использование инновационных технологий в управлении) позволили существенной части населения сохранить или даже улучшить свое социальное положение и явились основой успешного преодоления бедности.

Таблица 4.5

Стратегии активности бедных на рынке труда в 1991–2001 гг., %

№ п/п	Действия, стратегии	Новые бедные	Постоянно бедные	Бывшие бедные
1	Повышение образования и квалификации	28,4	29,5	35,7
2	Поиск основной работы	26,9	32,6	31,0
3	Интенсификация труда	29,4	26,3	33,3
4	Поиск дополнительной работы	22,9	16,8	26,2
5	Развитие ЛПХ	23,4	18,9	19,0
6	Требования регулярности оплаты труда	11,9	15,8	11,9
7	Требования повышения заработной платы	9,5	15,8	16,7
8	Создание и развитие собственного дела	5,5	5,3	19,0
9	Использование оборудования предприятия в собственных целях	3,0	6,3	7,1
10	Сокращение, продажа ЛПХ	6,0	6,3	0,0
11	Снижение трудовой нагрузки	5,0	5,3	4,8
12	Сокращение дополнительной занятости	1,5	2,1	9,5
13	Требования регулярности и повышения социальных гарантий	1,0	4,2	2,4
14	Отсутствие специальных действий для улучшения положения на рынке труда	15,4	15,8	4,8

В годы рыночных реформ, по данным опросов населения и экспертов, к наиболее активным группам относились представители среднего трудоспособного возраста, со средним уровнем доходов, жители городов, крупных сел (преимущественно районных центров), урбанизированных районов, лица с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, занятые преимущественно в торговле. По статусу занятости — это наемные работники (главным образом квалифицированные рабочие и специалисты), а также самозанятые.

Активность сельских жителей на рынке труда также значительно дифференцирована в зависимости от статуса занятости, материального положения, социально-демографических характеристик и места проживания. Так, в годы реформ в первую очередь для сохранения социально-экономического положения, уровня жизни своей семьи подавляющее большинство сельских наемных работников увеличивали свою трудовую нагрузку, интенсивность труда — главным образом посредством дополнительной занятости и расширения семейного крестьянского хо-

зяйства [167, 180, 220]. Из-за плохой экономической ситуации на сельских предприятиях это происходило в условиях вынужденного сокращения занятости на основном месте работы как в административном порядке (путем перехода на условия неполной занятости), так и в скрытой форме. Наиболее распространенными стратегиями активности самозанятых и работодателей являлись развитие фермерских и семейных крестьянских хозяйств, занятость в торговле и строительстве, оказание транспортных и бытовых услуг [167, 180, 220].

По характеру активности экономическое поведение сельского населения на рынке труда отличалось большей традиционностью, консервативностью и пассивностью в сравнении с поведением горожан [167, 220]. Занятость селян преимущественно связана с такой ее традиционной формой, как ведение семейного крестьянского хозяйства. Более существенна среди сельских жителей доля реализующих пассивную стратегию, т. е. тех, кто не предпринимает специально никаких действий на рынке труда для улучшения своего положения (11 и 20% пассивных селян, по разным оценкам экспертов, против 9 и 14% пассивных горожан).

Главным образом в связи с отсутствием подходящих рабочих мест как в селах — местах постоянного жительства, — так и в близлежащих населенных пунктах, селяне реже по сравнению с горожанами имели возможность реализовывать стратегии конструктивного, инновационного (по воздействию на актора и рынок труда) характера. К последним относятся, в частности, повышение образования и квалификации в соответствии с требованиями рынка, поиск основного места работы и трудоустройство в соответствии с квалификацией, справедливое требование повышения заработной платы, развитие собственного бизнеса и др. Отсутствием рабочих мест объясняется и то, что более распространенными среди сельских жителей оказались такие действия, как трудоустройство на рабочие места, требующие более низкой квалификации, вынужденное снижение трудовой нагрузки, воровство и использование работниками оборудования и материалов предприятия в личных целях, оказывающие в целом негативное влияние на развитие рынка труда, но в сложившихся условиях позволяющие селянам выживать.

В сравнении с другими социально-доходными группами бедные чаще сокращали свои семейные крестьянские хозяйства, поскольку последние требовали дополнительных затрат, добивались регулярности выплаты заработной платы, искали любую работу (в т. ч. не связанную с образованием и профессией), были заняты преимущественно в низкодоходных отраслях экономики, «батрачили» у своих односельчан и в целом харак-

теризовались наиболее низкой социально-экономической и социально-политической активностью [167, 180]. Стратегия развития крестьянского хозяйства в большей степени связана с «середняками» (средней группой по уровню материального благополучия). Кроме того, они отличались самой высокой активностью и в других сферах: чаще требовали повышения заработной платы, использовали оборудование и материалы предприятия в личных целях. Для наиболее благополучной группы селян характерно было открытие и расширение бизнеса, занятость в более прибыльных отраслях, повышение образования и квалификации, дополнительная работа, как правило, в виде посреднической деятельности при реализации сельхозпродукции.

По мнению руководителей местных органов управления (администраций сельских районов), социально-экономические и социально-политические реформы 1990-х гг. значительно изменили интересы, ценностные ориентации и поведение сельской молодежи. Значительная часть молодежи уезжает в город, остаются лишь те, у кого нет денег на проезд, на учебу в городе, кто не смог найти работу в городе и считает, что легче прожить в сельской местности (таких в основном от 1/10 до 1/3 — в прямой зависимости от близости сельского района к крупным городам). При этом занятость сельской молодежи имеет часто временный характер, из-за отсутствия рабочих мест значительная доля молодых людей остается незанятой (при этом большая часть безработной молодежи остается незарегистрированной), что приводит к росту алкоголизации, наркомании, преступности, суицидов и других негативных явлений.

Стратегии активности сельских жителей во многом зависят от степени урбанизированности сельского района, размера поселения и типа (вида) расположенных в нем предприятий. Так, более значительные возможности в проявлении активности на рынке труда имеют жители урбанизированных сельских районов в сравнении с жителями слабоурбанизированных, периферийных районов. Близость к городам позволяет в большей мере развивать сельский бизнес, иметь постоянные и временные подработки в своем селе либо ездить с этой целью в другие населенные пункты, регионы. Жители неурбанизированных районов более активно занимались своими семейными крестьянскими хозяйствами, нежели были заняты на предприятиях общественного сектора. При переходе к рыночной экономике предпосылки к росту территориальной дифференциации в активности россиян на рынке труда еще более усилились.

Особенности трансформации процессов активности россиян на рынке труда в проблемных территориальных общностях с неблагополуч-

ными условиями жизнедеятельности связаны с усилением влияния негативных условий и реализацией неэффективных в социально-экономическом отношении стратегий активности. Среди таких особенностей можно выделить:

а) сравнительно низкую свободу выбора, ограниченность видов и форм активности на рынке труда. Появление новых форм и видов ограничивается неблагоприятными территориальными условиями. Жители проблемных, неблагополучных территориальных общностей (депрессивных и кризисных регионов, неурбанизированных территорий, малых, периферийных сельских поселений и др.) имеют значительно более низкие возможности получения рабочего места, соответствующего необходимым критериям (профессии, уровню оплаты труда и др.), смены работодателя, трудовой миграции. Из-за отсутствия рабочих мест социально-экономическая и социально-политическая активность жителей наиболее неблагополучных сельских поселений и регионов страны не только не возросла, но даже снизилась, появились села без работодателей;

б) снижение трудовой мотивации, социально-экономическую и социально-политическую пассивность на рынке труда, нежелание работать значимой доли населения, что связано с ростом неуверенности людей в своем будущем и будущем детей, потерей ориентиров и смыслов активности на рынке труда.

По мнению экспертов, в начале 2000-х гг. социально-экономическая активность населения агропромышленного региона лишь отчасти соответствовала потребностям экономики предприятий и региона (негативных оценок чуть больше, чем позитивных и нейтральных), оценка перспективных потребностей была еще менее оптимистична. Еще ниже оценивали эксперты активность населения на сельском рынке труда, большинство из них (свыше 60%) считали, что население ведет себя в основном пассивно, и лишь около трети из них давали средние (нейтральные) оценки;

в) преобладающую роль консервативных и латентных механизмов адаптации населения, массовый возврат к примитивным традиционным формам активности на рынке труда, самообеспечению. Социально-архаичными механизмами адаптации являются административные отпуска и длительные задержки по выплате заработной платы как инструменты поддержки избыточной занятости, массовое возмещение утраченного дохода в натуральной форме, главным образом путем сохранения и расширения ЛПХ или за счет иных форм неформальной низкоэффективной занятости, относящейся в основном к «экономике

выживания». Социально-экономическая активность в домашнем и личном подсобном хозяйствах заметно возросла не только среди сельского, но и городского населения.

Таким образом, в целом трансформационные процессы активности населения на рынке труда в проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности характеризуются сокращением не только реальных проявлений активности отдельных социальных групп, но и зачастую снижением ее потенциальных возможностей.

4. Развитие феномена индивидуализма в социально-экономической активности россиян при сокращении коллективистских начал. Разрушение коллективных устоев советского общества и идеологии коллективизма в период перехода к рынку привело к всеобщей индивидуализации российского общества, в т. ч. к индивидуализации сознания и поведения людей. Коллективное решение проблем на предприятиях в значительной мере уступило место индивидуальному.

По данным отечественных исследований, индивидуализация социальных обычаев и стилей жизни, тенденция ее роста в 1990-х гг. в России проявились особенно среди высокодоходных и отчасти — среднедоходных групп населения. Стремление к коллективности в занятиях, в действиях, как правило, с целью выживания было характерно в первую очередь для низкодоходных и частично среднедоходных слоев общества.

Не останавливаясь подробно на характеристике данного феномена, отметим, что это объясняется в первую очередь переходом к новой экономической системе, рынку, разгосударствлением и приватизацией. В этих условиях, наряду с крупными экономическими организациями, распространение получают и особую роль играют малые экономические единицы (самозанятые, малые предприятия).

5. Сравнительно высокая социальная мобильность россиян на рынке труда и кардинальные структурные изменения совокупности акторов. Особенности трансформации социальной структуры и социальной мобильности акторов на рынке труда заключаются в значительной динамике состава существующих и формировании новых субъектов активности, в т. ч. в: 1) в появлении социальных групп предпринимателей и работодателей; 2) в изменении состава работников предприятий, положения рядовых работников в качестве наемной рабочей силы, постепенном процессе осознания ими статуса наемных работников; 3) в существенном увеличении числа самозанятых и безработных. По данным опросов населения, кардинальные статусные изменения в сфере занятости (мо-

бильность по статусам занятости: наемный работник, работодатель, самозанятый, безработный) коснулись примерно 25% всех россиян. С учетом профессионально-квалификационной мобильности, связанной с изменением уровня квалификации рабочих, специалистов, служащих и руководителей предприятий, трансформационные изменения социальной структуры связаны примерно с 40% всего экономически активного населения.

Анализ динамики структуры занятости сельских работников младшего и среднего трудоспособного возраста (от 20 до 39 лет включительно) с начала 1990-х гг. показал, что 82% наемных работников сохранили свой статус занятости, 10% стали самозанятыми (занятыми только семейным крестьянским хозяйством, индивидуальной трудовой деятельностью, предпринимателями, не использующими наемный труд) и 8% — безработными (не имели работу на момент опроса). За рассматриваемый период доля наемных работников среди экономически активного населения сократилась примерно на 15% при более значительном увеличении удельных весов безработных, предпринимателей и особенно самозанятых. Положение мелкого предпринимателя и самозанятого многие респонденты нашли более предпочтительным, чем положение почти бесплатного наемного труженика сельскохозяйственного предприятия. С одной стороны, работник сам перешел в мелкие предприниматели, привлекаемый свободой и возможностью зарабатывать «свои кровные», с другой — к этому его подтолкнули массовая реорганизация сельхозпредприятий и закрытие объектов социальной сферы, приведшие к сокращению рабочих мест в явной или скрытой форме. Самозанятыми стали как бывшие рядовые работники (преимущественно квалифицированные рабочие и специалисты), так и руководители колхозов и совхозов. Среди безработных же оказались в равной степени неквалифицированные рабочие и служащие. В свою очередь категорию наемных работников пополнили главным образом бывшие учащиеся и студенты (17% нынешнего состава), среди представителей других категорий занятости — прежде всего самозанятые.

В целом изменение статуса занятости и положения в профессионально-квалификационной структуре коснулось в начале 2000-х гг. каждого третьего наемного работника. Наиболее стабильные позиции заняли квалифицированные рабочие, специалисты и служащие (примерно 70% из них сохранили свои позиции), наименее устойчивые — наемные руководители и неквалифицированные рабочие (только около половины из них не поменяли свой статус). Наиболее значительные изменения в профессионально-квалификационной структуре коснулись рядовых

работников: с одной стороны, уменьшилась доля квалифицированных рабочих и служащих (на 20% в обоих случаях), с другой — произошло более заметное увеличение доли не только неквалифицированных рабочих (на 35%), но и специалистов (на 23%). При этом доля молодых и среднего возраста руководителей высшего и среднего звена сократилась почти на 15%.

6. Неоднозначность социальных последствий как снижения, так и роста активности россиян на рынке труда. Что касается негативных социальных последствий снижения такой активности, то они достаточно хорошо известны и представлены во множестве работ по проблемам безработицы [2, 31, 46, 54, 77–81, 180]. Однако не столь однозначна, как ни странно на первый взгляд, необходимость повышения активности на рынке труда. С одной стороны, очевидны *позитивные социальные последствия роста социально-экономической и социально-политической активности населения на рынке труда*. Среди них — рост квалификации, конкурентоспособности рабочей силы; увеличение доходов, улучшение материального положения и условий жизнедеятельности населения; улучшение общей экономической ситуации и развитие экономики (в т. ч. рост производства, производительности труда); сокращение безработицы и, как следствие, исчезновение ее негативных социально-экономических, социально-политических и социально-психологических последствий — таких, как снижение уровня жизни, декалфикация, рост социальной напряженности, криминогенности в локальном социуме и других социальных аномалий.

Наряду с позитивными необходимо отметить и большой ряд *негативных социальных последствий*, возникающих в первую очередь при использовании деструктивных, разрушительных стратегий социально-экономической активности. Важнейшими негативными последствиями являются ухудшение качества жизни людей, его отдельных составляющих, связанных с режимом труда и отдыха, в т. ч. ухудшение здоровья, сокращение продолжительности жизни, рост смертности среди лиц трудоспособного возраста, распространение трудоголизма как социальной болезни. Кроме того, распространение получили такие социальные процессы, как разрушение института семьи, рост числа разводов, сокращение времени на воспитание детей и молодежи, увеличение экономической нагрузки на детей и др.

Чрезмерный рост социально-экономической активности (часто во вред здоровью, семье, воспитанию детей) отдельных социальных групп в условиях отсутствия экономической свободы выбора можно

рассматривать как вынужденный, как социальное насилие над личностью. К формам его проявления относятся сверхвысокая интенсификация и экстенсификация труда. Низкий уровень развития экономики, рынка труда приводит к росту насилия трудом: работодатели заставляют увеличивать трудовую активность наемных работников сверх существующих социальных норм. В условиях потенциальной опасности потерять работу, разориться, оказаться безработными занятые (в первую очередь низкодоходные наемные работники, самозанятые и предприниматели) вынуждены интенсифицировать свой труд, искать дополнительную либо другую основную работу. В социально и экономически неблагополучных группах развиваются внутрисемейные формы насилия трудом.

* * *

В целом следует отметить, что анализ количественных и качественных характеристик процессов трансформации активности россиян на рынке труда в годы реформ, выделенных нами в методической части исследования (см. п. 3.1) на основе использования деятельностно-активистского, социоструктурного, неовиталистского и трансформационного подходов, позволили выявить следующие тенденции.

Социоструктурный анализ трансформации активности россиян на рынке труда показал, что данные процессы проявились в сравнительно высокой социальной мобильности россиян на рынке труда и кардинальных структурных изменениях совокупности акторов. Формирование рыночных отношений и другие проявления трансформации российского общества повлияли на повышение социально-экономической активности россиян. Но, по словам Б. В. Ракитского, «фактический мораторий на правопорядок, ставший необходимым сопровождением форсированного первоначального накопления, придал повышению экономической и социальной активности криминальный уклон» [149, с. 42].

Применение деятельностно-активистского подхода, в т. ч. анализа социальных взаимодействий, позволило выявить тенденции, связанные с развитием гибкости и многообразия способов зарабатывания, индивидуализацией социально-экономической активности при сохранении коллективистских ценностных начал.

На основе использования социального пространственно-временного аспекта анализа трансформационных процессов выявлены тенденции, связанные с неравномерностью динамики активности, значительным расслоением населения по возможностям ее проявления социальными группами, различающимися социальными позициями: статусом за-

нятости, доходами, демографическими, территориальными и другими характеристиками. Так, в неблагополучных условиях жизнедеятельности и социальной эксклюзии люди ограничены в возможностях выбора форм и видов социально-экономической активности, смены работодателя. В проблемных регионах и селах выше роль консервативных и латентных механизмов адаптации населения к новым условиям. Здесь высока доля людей с низкой трудовой мотивацией, не желающих работать. Но для большинства людей характерны вынужденная чрезмерная активность, что, с одной стороны, позволяет выжить, а с другой — приводит к беспрецедентному росту негативных социальных последствий.

Выделенные тенденции, с одной стороны, совпадают с общей динамикой и «обликом» трансформационных процессов, характерных для российского общества в целом (например, неравномерностью процессов, этапностью трансформации, индивидуализацией, социальным расколом общества и др.), а с другой — отражают специфику процессов активности на рынке труда, связанных с качественным изменением ее структурных компонентов.

4.2. Факторы трансформации активности населения на рынке труда

Исследования в области социальной трансформации в России и посткоммунистических странах [20, 53, 64, 65, 67, 70, 86, 105, 106, 156, 159, 182, 197, 198, 224] позволили нам выделить общие факторы трансформации активности населения на рынке труда. К таким факторам относится прежде всего переход от работы в условиях централизованной, плановой системы к деятельности в условиях рынка, от экономической изолированности — к интеграции в систему мирового капиталистического хозяйства. Переходный период в России сопровождался в экономике значительным спадом производства, производительности труда и ухудшением финансово-экономических характеристик предприятий (снижением уровня их рентабельности, ростом числа убыточных предприятий), а также сокращением количества и качества объектов производственной и непроизводственной инфраструктуры, увеличением изношенности их материально-технической базы, значительным сокращением ввода новых объектов.

В сфере занятости и социально-трудовых отношений трансформационные процессы были вызваны в первую очередь отказом от социалистической «всеобщности труда» и ликвидацией традиционной си-

стемы разделения труда между отраслями и регионами. Следствием перехода к рынку, открытому обществу и обозначенным выше процессам явилась трансформация структуры экономики и рабочих мест, выразившаяся в значительном росте и с середины 1990-х гг. преобладании занятости на предприятиях негосударственных форм собственности; в повышении занятости в отраслях непродовольственной сферы, сферы социального обслуживания (в т. ч. в отраслях сферы торговли, управления, финансово-кредитной и страхования, информационных и коммуникационных услуг), в производственной сфере — в росте занятости в добывающей промышленности, сельском хозяйстве и др.; в развитии малого бизнеса, существенном росте количества малых предприятий и численности занятых на них; в переходе от дефицита рабочей силы к его избытку, в значительных масштабах скрытой безработицы, росте реальной безработицы.

Основными социальными последствиями переходного периода являются значительное падение уровня жизни и реальных доходов населения, рост бедности и усиление территориальной, отраслевой, профессионально-квалификационной дифференциации доходов, трансформация структуры источников их формирования (снижение доли заработной платы, рост доходов от предпринимательства, собственности, различных финансовых источников).

Следствием периода реформ является также институциональная и «культурная трансформация», включающая в себя изменение социальных норм, ценностей и «правил игры» экономических акторов, переход от социальной безопасности, социального иждивенчества к рыночному мышлению и деятельности, повышенной личной ответственности, несению социальных рисков. По словам Р.В. Рывкиной, в переходной России происходит культурная переориентация в экономическом поведении, т. е. усвоение его новых стереотипов, «соответствующих рыночной экономике и культуре цивилизованных стран мира» [161, с. 278].

Особо можно выделить также влияние общественно-политической трансформации, выразившееся не только в реконструировании социальной и экономической политики, но и в кардинальном изменении политического сознания и политической активности россиян, формировании новых интересов социально-экономических групп российского общества, создании политических институтов и организаций нового типа, развитии солидарности наемных работников в отстаивании своих экономических интересов и появлении профсоюзов нового типа и других общественных организаций.

Важную роль в активности населения на рынке труда играют характеристики условий жизнедеятельности населения в территориальной (региональной и поселенческой) общности. Что касается **специфических региональных факторов**, определяющих особые стратегии поведения жителей и масштабы их распространения в регионах, то, в частности, в проблемных регионах к ним относятся:

1. *Спад производства в больших масштабах, чем по стране, более неблагоприятное финансовое положение предприятий* (большая доля нерентабельных, убыточных предприятий, в большей степени изношенность их основных производственных фондов) *и финансовое состояние бюджета региона, более низкий уровень развития рыночной инфраструктуры*. Как следствие — возможности роста социально-экономической активности поведения населения в таких регионах заметно ниже, чем в среднем по России. При этом многие негативные процессы определяются неблагоприятной отраслевой специализацией региона.
2. *Более слабое развитие рынка труда*, в т. ч. ограниченная свобода выбора основной и дополнительной занятости, сочетание относительно высокого (в сравнении с нормативным) уровня реальной безработицы с крупномасштабной скрытой и относительно низким уровнем официально зарегистрированной безработицы, значительная теневилизация рынка труда, экономические диспропорции в отраслевой структуре занятости. В частности, для агропромышленных регионов характерна высокая доля занятых в сельском хозяйстве (25,8% в Алтайском крае против 13,0% в РФ в 2000 г.¹).
3. *Низкий уровень жизни*, в т. ч. низкий уровень развития социальной инфраструктуры, особенно в сельской местности, низкие реальные доходы и покупательная способность населения на фоне высокого уровня социального расслоения. Проблемные регионы отличает *более высокий уровень натурализации доходной части бюджетов домохозяйств, формирование доходов сельских жителей во многом за счет личного подсобного хозяйства*.

¹ Здесь и далее используются данные государственной статистики, представленные в Российском статистическом ежегоднике и других сборниках Госкомстата РФ, а также в региональных статистических сборниках (Алтайского краевого комитета статистики и др.).

4. Особенности региональной социальной и экономической политики, более низкая социально-политическая активность населения².

Кроме региональных факторов, огромное значение имеют **факторы развитости локальных рынков труда**. Дифференцированный анализ локальных рынков труда на примере городов Алтайского края в первой половине 1990-х гг. позволил выявить качественные различия в уровне состояния социально-экономической активности и в перспективах ее изменения [167, 220]. В частности, в результате анализа выделено четыре типа городов, существенно различающихся между собой по вышеуказанным характеристикам, различия между отдельными характеристиками данных типов достигали на момент анализа 10–20 раз и в дальнейшем продолжали расти.

На основе статистических данных и результатов экспертного опроса руководителей предприятий и региональных органов управления выявлены основные факторы, детерминирующие развитие локальных рынков труда. К наиболее значимым из них относится общее социально-экономическое положение в стране, в регионе и на отдельных предприятиях. В середине 1990-х гг. это проявилось в потере предприятиями рынков сбыта производимой продукции, ее сравнительно низкой конкурентоспособности, высоких налогах и тарифах на коммунальные услуги, транспорт и электроэнергию, неплатежеспособности значительного числа предприятий, дефиците инвестиций и др.

Другой группой факторов воздействия на активность населения на рынке труда являются размер города (численность населения), специализация и структура его экономики, структура занятости. В небольших городах возможность трудовой мобильности населения значительно ограничена в сравнении с крупными городами, обладающими гораздо большим потенциалом для трудовой мобильности, разнообразием сфер приложения труда и вакантных рабочих мест. При этом небольшие сибирские города часто отличаются моноотраслевой специализацией (аграрной либо промышленной). В 1990-х гг. положение в отраслях специализации таких городов было тяжелым, что приводило к значительному высвобождению рабочей силы. Результаты проведенного нами исследования показали высокую значимость данного фактора: все локальные «очаги низкой социально-экономической активности», образовавшие наиболее неблагополучный тип, являются малыми и средними городами с аграрной либо моноотраслевой промышленной специализацией [167, 220].

² Подробнее о факторах экономической активности жителей в проблемных регионах см. в работах автора [164, 165, 167].

Третью группу факторов образуют характеристики эффективности деятельности местных центров занятости (их активность и финансовые возможности), о чем, в частности, свидетельствуют существенные различия в общей и официально зарегистрированной безработице.

Особое место в ряду факторов активности населения на рынке труда, как отмечалось в п. 2.1, занимают **социально-экономические потребности, интересы, мотивация, сознание и культура людей**. Так, российские исследования (З. Голенковой, Л. Гордона, С. Григорьева, Э. Клопова, Л. Косалса, Ю. Левады, Р. Рывкиной, В. Ядова и др.) показали, что трансформация социально-экономической среды, изменение условий жизнедеятельности различных социально-экономических групп российского общества в 1990-х гг. способствовали кардинальному изменению их социально-экономических и социально-политических интересов и сознания, что проявилось в формировании новых представлений о социальной справедливости, иного отношения к собственности как социальному институту, дифференциации по доходам и иным экономическим благам, предпринимательской и иной экономической деятельности и др. Социально-экономические и социально-политические трансформации в российском обществе привели к росту противоречивости, парадоксальности в сознании и культуре россиян. С одной стороны, россияне искреннее ратуют за экономический правопорядок, его рост и в то же время считают не только возможным, но и необходимым его нарушить «для пользы дела». Например, в 1990-х гг. были распространены статьи о том, как уйти от налогов; бизнесмены открыто высказывались в СМИ о том, что если бы они не прятали доходы, предприятие бы не поднялось и не выжило. Рост экономической преступности был сопряжен в значительной степени и с ростом бедности. Селяне воровали все, что могли, у бывшего колхоза, и отношение россиян к этому явлению было довольно лояльным.

Факторы активности населения на рынке труда агропромышленного региона. В результате изучения активности на рынке труда жителей Алтайского края как одного из агропромышленных регионов России (на основе проведенных выборочных и экспертных опросов) нами выделены основные факторы такой активности.

Основными факторами, стимулирующими активность на рынке труда, по мнению населения, являются, во-первых, **материальные стимулы**: рост доходов, улучшение материального благосостояния¹. Во-вто-

¹ Низкодоходные респонденты характеризовали этот мотив как «стремление выжить», «удержаться на плаву».

рых, это *стимулы самореализации и саморазвития*: желание использовать собственный потенциал (образование, квалификацию, опыт, личностные качества), карьерный и профессиональный рост. В-третьих, это *влияние социальных сетей*: связи, поддержка родных и друзей, их рекомендации.

В качестве главных мотивов трудовой деятельности *наемные работники* выделили размер и регулярность заработной платы, условия и режим труда и социально-психологический климат в коллективе. Мнение наемных работников во многом совпадает с мнением экспертов-работодателей (руководителей крупных и средних предприятий). К основным мотивам трудовой деятельности, а также причинам приема и увольнения работников предприятий большинство работодателей отнесли размер и регулярность выплаты заработной платы. При этом почти половина (47%) опрошенных руководителей предприятий считает, что *размер заработной платы*, как и ранее, *является первопричиной в стимулировании работников к труду*, и почти три четверти (73%) убеждены, что *регулярность ее выплаты занимает второе место по значимости*².

Далее с большим отрывом от первых двух мотивов и причин следуют условия и режим труда. На третьем месте — комплекс дополнительных социальных выплат и услуг, оказываемых на предприятии, а также надежды, связанные с его социально-экономическим развитием. Надо отметить, что в 1980-х гг. различные социальные блага, выделяемые на предприятии (жилье, автомобили и другие дефицитные товары, места в детских учреждениях, путевки в санатории, профилактории и др.), наряду с размером заработной платы, входили в состав ведущих трудовых мотивов [12, 182, 208, 209]. В начале 2000-х гг. представления работодателей о значимости социальных благ и услуг, выделяемых на предприятии, так же, как и о значимости условий и режима труда, очень сильно колебались в зависимости от отраслевой принадлежности, размера и формы собственности самого предприятия — от второго до восьмого места в ранжировании из девяти возможных вариантов.

Еще меньшую значимость имеют такие характеристики, как возможности повышения уровня образования и квалификации, профессионального роста, а также социально-психологический климат в трудовом коллективе, получившие при этом самые большие различия в оценке (от первого места до последнего девятого). И, наконец, дивиденды и дру-

2 Значимость размеров заработной платы как первопричины увольнения работников предприятий соответствует результатам проводимых нами исследований в середине 1990 гг. Регулярность же выплат зарплаты не имела в тот период большой значимости.

гие выплаты на предприятии (кроме заработной платы), преданность трудовому коллективу и стаж работы не играли, по мнению экспертов, в начале 2000-х гг. существенной роли в стимулировании трудовой деятельности, в причинах приема и увольнения работников предприятия. И, по результатам более поздних исследований, в конце рассматриваемого десятилетия картина практически не изменилась.

Выбор стратегий активности на рынке труда существенно зависит от демографических характеристик акторов (пола, возраста и др.). Так, в годы реформ в стране наблюдался процесс «старения» персонала промышленных предприятий. Например, в Алтайском крае в 1990 г. основная масса работников находилась в возрасте 30–40 лет, а в 2001 г. — в возрасте 40–50 лет. Возраст каждого третьего руководителя, главного и ведущего специалиста превысил 50 лет, в т. ч. среди главных и ведущих специалистов конструкторско-технологических служб таковых более $\frac{3}{4}$, из них каждый третий — старше 60 лет. Несмотря на принятые со второй половины 2000-х гг. меры по реформированию начального профессионального образования и стимулированию интереса к рабочим профессиям, наставничества, демографическая ситуация на промышленных предприятиях сильно не изменилась (возраст большинства таких работников в Алтайском крае перевалил за 50 лет).

Для *предпринимателей — представителей малого бизнеса (самозанятых и работодателей)* — кроме материального стимула и желания самореализоваться, важным фактором социально-экономической активности являются также наличие стартовых условий для бизнеса, потенциал предприятия, внешние условия (созданные социально-экономические и правовые условия в стране и регионе, в т. ч. стабильность государственной экономической политики, правовая и социальная защищенность предпринимательства), а также возможность предоставления рабочих мест для членов семьи и других родственников [220, с. 140–141]. *Руководители крупных и средних предприятий* на первое место среди стимулов их социально-экономической активности ставят возможность самореализации и саморазвития, на второе место — рост доходов. Далее следуют наличие стартовых условий, потенциал предприятия, поддержка со стороны региональных и местных органов управления.

Особый интерес представляет анализ *препятствий социально-экономической активности*. По мнению всех опрошенных, независимо от их положения в сфере доходов и занятости основными препятствиями являлись отсутствие собственных денежных накоплений, недостаток образования, квалификации и опыта [220, с. 142–145]. *Предприниматели*

ли-представители малого бизнеса, как работодатели, так и самозанятые, подчеркнули высокую значимость внешних социально-политических и социально-экономических факторов, выделив в первую очередь высокие налоги (свыше половины представителей рассматриваемых групп, в т. ч. 70% высокодоходных), неблагоприятную социально-экономическую и социально-политическую обстановку в стране, неустойчивую экономическую политику и финансовый кризис 1998 г. (оценки колеблются от 60 до 80%) и низкий социально-экономический потенциал региона (40–60%) [220, с. 143–144]. Негативное влияние на их социально-экономическую активность оказывает также неразработанная правовая база предпринимательской деятельности (по мнению более трети высоко- и среднедоходных предпринимателей), взяточничество государственных чиновников и другие препятствия со стороны региональных и местных органов управления (по мнению каждого пятого, в т. ч. каждого третьего низкодоходного работодателя). Причем низкодоходные представители малого бизнеса в большей степени подчеркнули отсутствие необходимых средств для открытия и развития бизнеса, среднедоходные работодатели — необходимых знаний и опыта, сложность получения кредитных ресурсов.

Руководители крупных и средних предприятий связывают самые большие преграды своей социально-экономической активности с экономическим положением самого предприятия, а именно: изношенностью основных фондов (отметили почти 2/3 экспертов) и недостатком оборотных средств (так считают чуть менее половины экспертов). Среди внешних антистимулов наибольший вес получили неразработанность правовой базы и отсутствие заемных средств, низкая возможность получения кредита (отметил каждый третий респондент).

Основными препятствиями социально-экономической активности для *наемных работников* являются, по их мнению, низкая заработная плата (так считает почти половина низкодоходных и 40% среднедоходных респондентов) и отсутствие денежных накоплений (это мнение разделили каждый третий высокодоходный представитель группы и каждый четвертый средне- и низкодоходный) [220, с. 142]. Высокооплачиваемые работники чаще отмечали в качестве препятствий недостаток образования, квалификации и опыта (почти половина таких респондентов, что в два с лишним раза больше, чем в группе низкодоходных).

Безработные отметили отсутствие рабочих мест с нормальным уровнем либо стабильной заработной платой, соответствующих специальности. Значительными препятствиями для них также являются отсутствие

собственных денежных накоплений и недостаток образования, квалификации и опыта [220, с. 145].

Анализ основных причин, стимулирующих социально-экономическую активность низкодоходных респондентов, позволил выявить сравнительно низкую мотивацию последних к повышению доходов и самореализации в сфере доходов и занятости. В исследуемой группе в полтора раза меньше, чем в группах с более высокими доходами, тех, кто в качестве причин выбора стратегий на рынке труда выделил стремление повысить доходы и улучшить материальное положение семьи (56% против 84 и 87%), почти в два раза меньше тех, кто хотел самореализоваться (26% против 49 и 51%). С другой стороны, ухудшение материального положения семьи и стремление выжить явились причиной роста социально-экономической активности для более 1/3 представителей низкодоходной группы, что на 6 п.п. выше аналогичной доли в среднедоходной группе.

Среди представителей бедных групп трудоспособного возраста значительна выше доля тех, кто в период реформ оставался пассивным, целенаправленно не осуществлял ни одну из стратегий активности на рынке труда для улучшения своего социального положения (от 12 до 15% в группах, различающихся статусом занятости). Это в два раза больше аналогичной доли в группе среднедоходных и в четыре раза — в группе высокодоходных. Кроме причин объективного характера, определивших пассивный тип поведения на рынке труда (сокращение рабочих мест, трудности в организации собственного дела и другие проблемы, названные в основном низкодоходными безработными), пятая часть низкодоходных респондентов отметила отсутствие необходимости в осуществлении этих действий, их «устраивало существующее положение». В среднедоходной группе доля таких значительно меньше, а в высокодоходной таковых нет.

Таким образом, результаты наших исследований в очередной раз подтвердили мнение ученых о том, что низкий уровень доходов, падение его далеко за границы, необходимые для социального воспроизводства, приводят к снижению (часто вплоть до исчезновения) стимулов людей к улучшению своей жизни. Они все больше скатываются на позиции социальной и трудовой пассивности, связанной с отсутствием веры в жизненные перспективы.

Потенциальная и реальная бедность, стремление выжить, улучшить свое материальное положение формируют также специфические стратегии поведения на рынке труда: например, они заставляли часть людей отказываться от интересной, содержательной работы в пользу спекуляции и торговли. Другая часть населения увеличивала свои доходы пу-

тем экстенсификации и интенсификации своего труда (совместительство, занятость в ЛПХ и др.).

Факторы активности на сельском рынке труда. В годы реформ в аграрном секторе экономики произошли кардинальные изменения, проявившиеся в развитии многоукладности, неэффективной «капитализации», экспансии мелкотоварного производства, деградации социальной сферы села [77–81]. По мнению большинства экспертов (80% ответов), ситуация на сельском рынке труда за годы реформ значительно ухудшилась и определялась почти до середины 2000-х гг. ухудшением экономического и финансового положения агропромышленного комплекса в целом, в т. ч. снижением производственного потенциала, значительным износом материально-технической базы сельскохозяйственного и других видов производства на селе, высокими ценами на материально-технические ресурсы, проблемами со сбытом сельхозпродукции [4, 26, 32–34, 77–81, 108, 109, 154, 156, 182, 204, 205, 212, 216].

Динамика валовой продукции сельского хозяйства в изучаемых регионах (Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай) характеризовалась крайней неустойчивостью. При этом в 1992–1997 гг. преобладающей была тенденция сокращения объемов производства, и лишь с 1998 г. удалось переломить негативные процессы. С этого времени наблюдался рост с колебаниями в неблагоприятные в природно-климатическом отношении годы (например, засуха в 2012 г.) [167; 180, с. 160–196; 202]. Наряду с акционированными коллективными и фермерскими хозяйствами ведущим сектором аграрной экономики стали личные подсобные (семейные крестьянские) хозяйства. Доля семейных хозяйств в сельскохозяйственном производстве в анализируемый период увеличилась более чем в два раза и превышала в отдельные годы 50%.

По мнению экспертов, основным стимулом активности населения на сельском рынке труда является стремление повысить уровень материального благосостояния семьи (так считают свыше 80% экспертов). Кроме того, на социально-экономическую активность благоприятно влияют такие условия, как наличие стартового капитала для занятия бизнесом, практический опыт и высокий уровень образования, квалификации, а также рекомендации и связи (17–22%), несколько в меньшей степени — наличие вакантных рабочих мест и доступность информации о них, а также личные качества человека. К основным дестимуляторам активности относятся отсутствие требуемых вакансий, недостаток опыта, образования и квалификации (около 40–45%). Мешают активности также отсутствие заемных средств, сложность получения

кредитов (26%) и, что вполне очевидно, преклонный возраст и плохое здоровье (17%). Причем низкий уровень жизни имеет неоднозначное влияние: в одном случае стимулирует активность, стремление выжить (более 50% ответов экспертов), в другом — гасит, в т. ч. порождая иждивенческие настроения (70%).

Сами сельские жители к наиболее сильным мотивирующим факторам активности на рынке труда относят экономическое стимулирование, в т. ч. увеличение заработной платы, ее регулярную выплату (67%). На социально-экономическую активность влияют также здоровье и возраст (38%), статус занятости и должность, условия труда, а также стабильность, уверенность в завтрашнем дне и социальные гарантии (по 20–25%). Примерно каждый десятый респондент отмечает в качестве значимых факторов социально-психологический климат в коллективе и отношение руководителей к работникам, опыт работы и профессионализм, наличие первоначального капитала и связей, возможность выбора рабочих мест.

Значимость факторов трудовой деятельности сельских наемных работников практически совпадает со значимостью аналогичных факторов для наемных работников, проживающих в агропромышленном регионе. Сельские наемные работники также считают наиболее важным в трудовой деятельности размер заработной платы (почти 90% ответов) и регулярность ее выплаты (77%). От 30 до 40% респондентов отмечают условия и режим труда, выплату премий и других доходов кроме зарплаты, а также различного рода социальные льготы, предоставляемые работникам на предприятии, в т. ч. жилье, льготное питание, путевки в дома отдыха, санатории, места в детских садах и др. Для каждого пятого сельского работника важным является социально-психологический климат в трудовом коллективе. Реже отмечаются возможность повышения уровня образования и квалификации, продвижения по службе, карьерный рост и содержание труда, возможность реализации творческого потенциала.

Подробнее остановимся на *анализе мотивов ведения ЛПХ* как важнейшей стратегии социально-экономической активности, особенно на селе. Высокий уровень бедности вынуждает население страны, и прежде всего сельское, адаптироваться к социально-экономическим условиям, поддерживать или улучшать свое материальное положение путем самообеспечения. *Производство продуктов для собственного потребления* по-прежнему является определяющим мотивом ведения семейного хозяйства работниками сельскохозяйственных предприятий

(90% респондентов). Важнейшим фактором является и *материальный мотив, стремление получить дополнительный денежный доход*. Получая доходы от семейного подворья, сельская семья стремилась *повышать качество своей жизни и приблизиться к стандартам «городской жизни»* (покупка электротоваров, одежды и обуви, строительство и приобретение нового жилья). Однако неразвитость системы жизнеобеспечения населения в российской деревне, сельской инфраструктуры и понижение уровня обеспечения продовольствием со стороны сельскохозяйственных предприятий и потребительских коопераций способствовали тому, что большая часть произведенного сельскими хозяйствами продовольствия используется ими для собственного потребления. Кроме того, по-прежнему значимым мотивом остается *потребность работать на земле*. Таким образом, семейное крестьянское хозяйство по-прежнему является для сельского жителя единственным прибежищем от всех невзгод, а также источником жизнеобеспечения как селян, так и их городских родственников.

Мы согласны с В. Кузнецовым, А. Тарасовым и другими исследователями, что в переходной экономике России вследствие влияния известных макроэкономических факторов социально-экономическая активность, связанная с ведением семейного крестьянского хозяйства, определяется нижним пределом существования сельской семьи, обеспечивающим ее физическое выживание и сопротивление внешним экономическим условиям [107]. К ним относятся в первую очередь низкая и нерегулярная заработная плата, понижение общего уровня поддержки сельской семьи со стороны сельскохозяйственных предприятий. Семейное крестьянское хозяйство находилось почти до середины 2000-х гг. вне существующей системы государственной поддержки цен и доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей [107, с. 38], ситуация изменилась с реализацией национального проекта и программ по развитию АПК, социально-экономическому развитию села [4, 202].

Доходы как фактор трансформации активности россиян на рынке труда: тенденции формирования и использования. Одним из наиболее важных факторов трансформации активности россиян на рынке труда в годы реформ являются доходы, процессы их формирования и использования. Социально-экономические преобразования российского общества последних двух десятилетий привели к существенным изменениям положения людей в сфере доходов. Российские тенденции сферы доходов населения 1990-х гг. сформированы под влиянием перехода к рынку, процессов глобализации, трансформации социальной структуры и со-

циально-экономической политики. Наряду с общероссийскими факторами в регионах действовали специфические факторы социальной дифференциации и роста «проблемности», к которым относится целый ряд экономических (потенциал, ресурсная обеспеченность, отраслевая специализация, доступ к зарубежным партнерам, экономическая конкурентоспособность, инвестиционная привлекательность, уровень федеральной поддержки), политических (политическая нестабильность, высокая ротация руководства), исторических особенностей их развития и территориальной расположенности (периферийности).

Рассмотрим тенденции сферы доходов населения России и Алтайского края, одного из сибирских регионов агропромышленной специализации, за два десятилетия реформ, обратив особое внимание на специфику изменений уровня и структуры доходов, процессов бедности и социального расслоения в крае на фоне регионов Сибирского федерального округа и России в 1990-х гг., период экономического роста (2000–2008 гг.) и кризисного 2009 г.

В 1990-х гг. в России наблюдался постоянный рост номинальных *среднедушевых доходов населения*, лишь отчасти погашающий влияние инфляционного роста цен. Вместе с тем уровень среднедушевых денежных доходов населения Алтайского края в тот период оставался значительно ниже среднероссийского и среднесибирского уровней и этот разрыв постепенно увеличивался. В начале реформ (1992 г.) доходы населения края составляли 77,5% от аналогичной величины для России в целом. Вплоть до дефолтного 1998 г. регион ухудшал свои позиции: среднедушевые доходы жителей края упали до 52,6% от доходов россиян и до 63,1% — от доходов жителей регионов Сибирского федерального округа.

Годы реформ характеризуются процессом усиления межрегиональной дифференциации по доходам населения. В 1990-х гг. значительно усилились имевшиеся и в прошлом различия в динамике доходов населения между проблемными и относительно благополучными, аграрными и так называемыми сырьевыми регионами России. Так, значительное отставание по оплате труда наблюдалось (до 2,5–3 раз) между Алтайским краем и такими регионами Сибирского федерального округа, как Кемеровская и Томская области, Красноярский край.

Годы экономического роста отразились на улучшении рассматриваемого положения региона относительно Сибирского федерального округа (СФО) и страны (*табл. 4.6*), и в 2008 г. уровень среднедушевых доходов жителей Алтайского края достиг 65,3% от значения аналогичного показателя по России и 75,8% — от средней по регионам СФО.

К началу экономического кризиса Алтайский край почти восстановил свои позиции в сфере денежных доходов населения среди регионов России в сравнении с началом реформ. Кризис заметно отразился на ухудшении положения края, и даже в более успешном 2011 г. уровень среднедушевых доходов жителей края достигал только 60,2% от значения аналогичного показателя по России и 75,4% — от средней по регионам СФО. Среди регионов Сибири Алтайский край характеризуется наименьшим значением среднедушевых доходов, в годы экономического роста хуже положение было, как правило, только у жителей Республик Тыва и Алтай (например, в 2008 и 2010 гг. край опережал только Республику Тыва).

Таблица 4.6

Среднедушевые доходы населения, руб. в месяц

Показатель	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	2281	8088	14864	16895	18951	20755
Сибирский федеральный округ	1933	6731	13045	13714	15007	16568
Алтайский край	1224	4640	9974	9868	11029	12500

Источник: данные Росстата.

Динамика реальных располагаемых денежных доходов жителей Алтайского края двух десятилетий реформ (1990–2009 гг.) характеризуется следующими трендами:

- пиком обвального падения в 1991–1992 г. (период либерализации);
- кратковременным ростом в 1,4 раза в 1994 г. (массовая приватизация);
- постепенным снижением в 1995–1999 гг. (адаптационный период перехода к рынку в условиях инфляционного роста, дефолт рубля);
- сравнительно устойчивым их увеличением в 2000–2008 гг., во второй половине десятилетия — годовыми темпами от 7,5 до 25,8% (годы экономического роста, благоприятная международная конъюнктура цен на энергоносители);
- существенным сокращением в период глобального экономического кризиса (на 14,2% в 2009 г.) и началом восстановления позиций в последние годы (рис. 4.4).

Источник: данные Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 4.4. Динамика реальных доходов населения и реальной начисленной заработной платы работающих в экономике России и Алтайского края в 1992–2009 гг. (нарастающим итогом к 1991 г.), %

В целом характер динамики реальных доходов жителей края соответствовал общероссийским тенденциям, однако темпы падения доходов в 1990-х гг. значительно превосходили средний уровень по России, что обусловило их значительно более низкий уровень — 18,8% от дореформенного уровня против 46% по стране (рис. 4.4). В годы же экономического роста (2000–2008 гг.) реальные доходы жителей Алтайского края росли более высокими темпами в сравнении с Россией и увеличились в 2,9 раза, что выше значения аналогичного показателя по стране (2,6 раза).

Таким образом, несмотря на более интенсивный восстановительный рост доходов жителей Алтайского края в годы экономического роста, к концу рассматриваемого периода двух десятилетий реформ реальные доходы населения региона составили менее половины от дореформенного уровня (46,8% в 2009 г. к уровню 1991 г.). Даже накануне глобального экономического кризиса (2008 г.) край смог выйти только на уровень 54,5% от дореформенного уровня реальных доходов, тогда как Россия

уже в 2006 г. преодолела этот рубеж и без потерь в 2009 г. достигла почти 20 %-ного опережения (119%).

Реальная начисленная месячная заработная плата работающих в экономике Алтайского края практически в целом повторяет в своей динамике тренд реальных доходов (рис. 4.4). Со второй половины 2000-х реальная заработная плата росла чуть менее интенсивно, чем реальные доходы. В 2008 г. отставание составило 48% от дореформенного уровня против 54,5% по реальным доходам, как уже отмечалось выше. Кризис 2009 г. практически выровнял позиции реальной зарплаты и реальных доходов относительно дореформенного уровня (47,2 и 46,8%). Несмотря на рост в 2,4 раза реальной начисленной заработной платы в годы экономического роста (2000–2008 гг.), в т. ч. сравнительно устойчивый годовой прирост в пределах от 6,3 до 15,4%, как уже отмечалось, к началу глобального кризиса сохранилось существенное отставание уровня среднемесячной зарплаты от значения аналогичного показателя по России и Сибирскому федеральному округу.

Среди регионов Сибири в годы экономического роста Алтайский край характеризуется одним из наименьших значений среднедушевых доходов. Хуже положение было, как правило, только у жителей Республик Тыва и Алтай (в предкризисный 2008 г. край опережал только Республику Тыва). С 2001 г. Алтайский край стабильно занимает последнюю позицию по заработной плате с существенным отставанием от ближайших соседей (ими также являются Республики Алтай и Тыва).

Структура доходов населения также претерпела значительные изменения. По данным статистики, удельный вес оплаты труда сократился с 76% в 1990 г. до 64% в 2000 г. и выросла доля таких статей, как доходы от предпринимательской деятельности (более чем в 4 раза) и от собственности (почти в 3 раза). Для сравнения: в США доля заработной платы в совокупных доходах населения равна 70%, в Японии — 94%. Одновременно происходило сокращение затрат предприятий на рабочую силу: во второй половине десятилетия эта доля в общей структуре затрат на производство продукции (работ, услуг) составила менее 30%, что в два-три раза ниже уровня развитых в экономическом отношении стран. В 1990-х гг. в России происходило то, что К. Маркс назвал *относительным обнищанием*: снижение доходов населения по сравнению с ВВП. По словам Ю. Овсиенко и Н. Петракова, «относительное обнищание категорий населения, у которых заработная плата являлась главным источником дохода, — один из важнейших элементов в цепи марксовых доказательств роста эксплуатации наемных работников и необходимости замены капитализма социализмом» [127, с. 68].

Статистический анализ показал, что с момента распада СССР динамика соотношения оплаты труда и ВВП в России стала прямо противоположной: в 1987 г. оплата труда в СССР (заработная плата плюс общественные фонды потребления) составляла 58,3% валового национального продукта (ОФП — около 20% ВВП, разница между ВВП и ВВП тогда была пренебрежительно мала), в течение 1992–2000 гг. оно ни разу не поднялось даже до 30%, а минимального значения достигло в 2000 г., составив 24,3% [127, с. 70]. Если принять, что за рассматриваемый период объем ВВП в России снизился вдвое, то реальная оплата труда сократилась примерно в пять раз. Это привело к существенному превышению стоимости рабочей силы над заработной платой. В результате последняя лишь в ограниченном объеме обеспечивает воспроизводство рабочей силы, стимулирование трудовой активности наемных работников и регулирование потребительского спроса.

Таковы темпы относительного обнищания населения в среднем по России, хотя для людей с оплатой труда ниже средней они существенно выше. Именно низкая заработная плата явилась причиной формирования в годы рыночных реформ слоя «новых бедных» или «работающих бедных», основу которых составляют низкооплачиваемые занятые. Для сравнения в развитых странах в этот период тенденция была прямо противоположной: в США доля оплаты труда наемных работников выросла с 59,8% до 69,3%, соответствующая динамика по 24 странам с рыночной экономикой равна 11,6% [127, с. 70].

Новые экономические условия в переходный период к рынку существенно трансформировали *структуру доходов населения* в регионах СФО. В Алтайском крае удельный вес оплаты труда сократился с 73,3% в 1990 г. до 38,5% — в 2000 г., что существенно ниже значений аналогичного показателя по Сибири и России в целом.

К *региональным особенностям изменений в структуре доходов населения* Алтайского края в 1990-х гг. относятся более низкие по сравнению с российскими значениями динамика и удельный вес доходов рыночного характера, связанных с предпринимательством, развитием институтов собственности и финансовой сферы, в общей структуре доходов населения и одновременно более высокие динамика и доля социальных трансфертов как показателя дотационности региона. В 1990–2000 гг. в крае в 1,8 раза вырос удельный вес доходов от предпринимательской деятельности и собственности — с 11 до 20,3%. Максимальная величина данной статьи доходов зафиксирована государственной статистикой в 1998 г. — 37,5%.

Доля социальных трансфертов в структуре доходов жителей края в тот же период выросла в полтора раза — с 12 до 18,1%. К началу периода экономического роста сформировалась наиболее значительная зависимость жителей Алтайского края от государственных социальных трансфертов в сравнении с жителями других регионов Сибирского федерального округа.

Данные краевой статистики свидетельствуют о том, что годы экономического роста не способствовали увеличению удельных весов ключевых элементов структуры доходов жителей региона: оплаты труда, доходов от предпринимательской деятельности, социальных трансфертов и доходов от собственности. Доли первых двух источников доходов сократились к началу глобального экономического кризиса на 4,8 п.п., удельный вес социальных трансфертов и доходов от собственности почти не изменился. Вместе с тем значительное увеличение произошло в группе «других» доходов» (на 10,7 п.п.), что говорит прежде всего о проблемах ухода доходов в «тень» и низкой возможности их адекватной статистической оценки. В частности, в заработной плате по-прежнему не учтена часть доходов жителей края, имеющих аналогичную (зарплатную) «природу» и отнесенных в статистике региона к группе «других доходов». В Алтайском крае «другие доходы» в 2008 г. составляли 29,6%, тогда как значение этого показателя в России равно только 2% (колеблется в этих пределах на протяжении всего десятилетия). В российской методике оценки структуры доходов производится пересчет (с 1995 г.), подавляющая часть «других доходов», имеющих характер скрытой заработной платы, переносится в статью «оплата труда». Это создает препятствие для сравнительного анализа положения региона на фоне страны.

На изменение структуры источников формирования денежных доходов населения повлияло не только значительное снижение реальной начисленной заработной платы работников предприятий, но и ее массовые задержки. С середины 1990-х гг. возникают и «процветают» массовые задержки по выплате заработной платы, что значительно снижает в конечном итоге реальные доходы, как правило, низкодходных групп населения. Так, к концу 1990-х гг. объем просроченной задолженности в Алтайском крае был равен размеру почти четырехмесячного фонда оплаты труда предприятий (тогда как в среднем по стране значение этого показателя, как правило, не превышало трехмесячного фонда), на отдельных предприятиях задолженность достигала величины, почти равной годовому фонду. В годы экономического роста ситуация значительно улучшилась, но и в середине десятилетия средняя продолжительность невы-

плат заработной платы (отношение общей просроченной задолженности к начисленному месячному фонду оплаты труда) составляла почти два месяца. В годы экономического кризиса уровень задолженности сократился еще в большей мере, что может объясняться теневизацией экономики и доходов, а также усилением государственного контроля за своевременностью выплаты заработной платы.

В 1990-х гг. рост *бедности населения* (с доходами ниже прожиточного минимума) наблюдался в России и во всех ее регионах, однако динамика бедности в аграрных регионах была более неблагоприятной. Как следствие, в 2000 г. уровень бедности в последних превышал средний по России в 1,7 раза: 48,1% против 29% по РФ (рис. 4.5).

Источник: данные Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 4.5. Динамика уровня бедности в Алтайском крае и России в 1992–2010 гг.¹

¹ На основании Федерального закона от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в 2005 г. изменен состав потребительской корзины для определения величины прожиточного минимума. При анализе динамики бедности необходимо принять во внимание, что при использовании данных о величине прожиточного минимума, определяемой в сопоставимой методологии, тенденция сокращения уровня бедности не менялась.

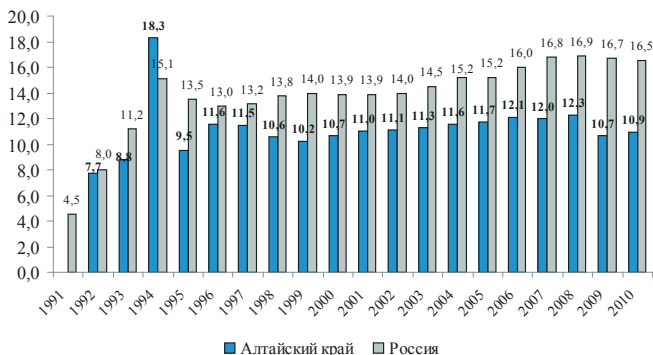
Новое десятилетие в России ознаменовалось устойчивым сокращением бедности до 12,6% в 2010 г. (в 2,3 раза), и даже глобальный экономический кризис не повлиял на этот позитивный тренд.

В Алтайском крае максимальная величина *уровня бедности* (доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения) зафиксирована статистикой в 1998–2000 гг., когда более половины всего населения (54–57%) получали доходы ниже прожиточного минимума, т. е. находились за чертой бедности (рис. 4.5). За 1993–2000 гг. рост доли бедного населения в общей его численности составил 2,4 раза. Причем если в первой половине 1990-х гг. масштабы бедности в крае несущественно отличались от среднероссийского уровня, то во второй половине прошедшего десятилетия опережение региона по этому показателю составляло 2–2,2 раза.

За годы экономического роста (2000–2008 гг.) уровень бедности в крае сократился почти в три раза. В 2008 г. 19,6% жителей Алтайского края находились за чертой бедности, что было благоприятнее ситуации первых лет реформирования, причем разрыв с российским уровнем составлял 1,5 раза (меньше было только в 2006 г. — 1,3 раза). Экономический кризис лишь на один год «сломал» позитивную тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в крае вырос на 29%, достигнув 25,4% (631,9 тыс. чел.), что соответствовало уровню 2005 г. Но в дальнейшем позитивная тенденция восстановилась (в 2010 г. бедность уменьшилась до 24,3%). На фоне регионов Сибирского федерального округа уровень бедности в Алтайском крае заметно выше среднего, в последние годы регион «уступает» по данному показателю лишь Республике Тыва.

Вместе с ростом бедности в 1990-х гг. в России и ее регионах наблюдались процессы *социальной поляризации* общества по доходам, вызванной формированием рыночной экономики и спецификой приватизационных процессов в стране. На первом этапе реформ (1992–1994 гг.) значения *коэффициента фондов* (соотношение денежных доходов 10% наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) и *коэффициента Джини* (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) увеличились в 2–3 раза и достигли максимального значения: 15 раз и 0,409 соответственно (для сравнения: в 1991 г. — 4,5 раза и 0,260) (рис. 4.6–4.7).

После этапа массовой приватизации, с 1995 по 2000 гг., рост бедности россиян происходил уже на фоне некоторого сокращения социального расслоения и последующей стабилизации различий денежных доходов росси-

Источник: данные Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 4.6. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения в Алтайском крае и России в 1991–2010 гг., раз

ян: коэффициента фондов — на отметке 14 раз, коэффициента Джини — на уровне 0,40. В 2000-х гг. сокращение бедности в стране не сопровождалось уменьшением социальных различий по доходам. Благоприятные годы экономического роста не остановили процесс расслоения, а только придали ему характер устойчивой тенденции; исключение составляет лишь кризисный 2009 год, когда удалось приостановить растущую дифференциацию.

Источник: данные Росстата и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 4.7. Динамика социального расслоения населения в Алтайском крае и России в 1992–2010 гг.

Процесс дифференциации по доходам в крае особенно активно протекал в первой половине 1990-х. Динамика коэффициента фондов показывает, что его наибольшее значение в этот период наблюдалось в 1994 г. (18,3) и было заметно выше российского уровня — 15,1 (для сравнения: в 1991 г. — 4,5) (рис. 4.6). С 1995 г. значение рассматриваемого показателя сокращалось и стабилизировалось на уровне 10–11 раз. Период экономического роста 2000-х гг. свидетельствует о постепенном возрастании различий денежных доходов крайних децильных групп в крае с 10,7 в 2000 г. до 12,3 раза в 2008 г., но под влиянием кризиса коэффициент фондов вернулся на прежние позиции. И в 2010 г. **разница в социальном расслоении по доходам между Алтайским краем и Россией составила уже более полутора раз** («в пользу» страны) (рис. 4.6).

Динамика коэффициента Джини за два десятилетия в Алтайском крае соответствует обозначенным выше тенденциям коэффициента фондов. Максимальное значение данного коэффициента отмечено также в 1994 г. — 43,3% (рис. 4.7). С 1995 г. в отличие от России в регионе оно не превышало 40%. Рост значения данного показателя в 2000-х гг. завершился в 2008 г. на отметке 38%, что было на 11 п.п. ниже российского уровня. Кризисный 2009 г. также развернул кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (35,9%), а 2010 г. повернул тенденцию социального расслоения вспять (36,2%).

Процесс дифференциации доходов населения находит отражение в территориальном, отраслевом, профессионально-квалификационном «срезах» общества: существует огромная разница в реальных доходах населения, начисленной заработной платы работников различных регионов и отраслей (около 10 раз). Это намного выше значений аналогичных характеристик дифференциации во многих развитых в рыночном отношении странах: они, как правило, не превышают двух раз как в отраслевом, так и в территориальном отношениях.

Что касается профессионально-квалификационных различий, то в настоящее время в России существует огромная разница (в десятки и даже свыше сотни раз) в реальных доходах включая неучитываемых, руководство и рядовых работников предприятий. К особенностям формирования доходов и социального расслоения в 1990-х гг. относится то, что обогащение собственников и руководителей предприятий, российских «купцов» происходило на фоне падения производства, по мере сокращения его объемов и снижения товарооборота [127]. В результате, по словам Ю. Овсиенко и Н. Петракова, «возник некий антистимул, не адекватный рыночной экономике: чем хуже ситуация в стране, тем выше доходы но-

менклатуры» и тем больше распределение доходов удаляется от социально-справедливых пропорций [127, с. 59].

* * *

Анализ факторов и механизмов формирования активности населения на рынке труда в годы реформ показал, что определяющими в трансформации процессов активности являются социально-экономические и социально-политические факторы. Особую роль при этом играют факторы макроуровня — как общероссийские, так и региональные. Среди факторов микроуровня наиболее значимыми являются ситуация на локальном рынке труда и социально-экономическое положение населения.

Важнейшим фактором является также социокультурная трансформация общества, его институтов, структуры доминирующих ценностей и норм повседневной деятельности. Конкуренция на рынке труда, усложнение содержания и характера труда, появление новых профессий и специальностей формируют новые интересы, ценности и мотивационные установки человека в сфере профессионального труда, выбора профессии.

По результатам исследований в 2000-х гг. ведущими стимулами активности россиян на рынке труда является материальный стимул (рост доходов), а также самореализация и саморазвитие. Выявлено решающее значение материальных мотивов в группах наемных работников, безработных, самозанятых и руководителей малых предприятий. Что касается представителей среднего и крупного бизнеса, то они признают в качестве ведущего фактора самореализацию и саморазвитие. Кроме того, огромное значение имеют социальные сети (качественные характеристики связей и взаимоотношений людей). В проблемных территориальных общностях с неблагоприятными условиями жизнедеятельности они зачастую играют в процессах социально-экономической адаптации к ситуации на рынке труда роль социального амортизатора.

Социально-экономические преобразования российского общества, разгосударствление и приватизация в 1990-х гг. привели к существенным изменениям положения людей в сфере доходов, значительно возросла роль доходов как структурообразующего критерия общества, как мощного дифференцирующего фактора социально-экономической активности населения, домохозяйств, предприятий. К тенденциям формирования и использования доходов населения переходной России относятся падение реальных доходов и покупательной способности, потребления

продуктов питания, непродовольственных товаров и социальных услуг вплоть до конца 1990-х; сокращение трудовых и рост предпринимательских доходов в общей структуре доходов населения, рост бедности и резкое усиление социальной дифференциации, в т. ч. между отдельными отраслями, категориями работников, регионами (между центром и периферийными регионами, сырьевыми и аграрными регионами, урбанизированными и неурбанизированными сельскими районами), городом и селом. Особенности формирования и использования доходов населения в годы рыночных реформ являются низкий уровень оплаты труда и социальных трансфертов при значительных масштабах задержек по их выплате, низкий уровень затрат на рабочую силу в общей структуре затрат предприятий на производство продукции; высокий уровень бедности и расслоения населения, в т. ч. среди занятого населения.

В Алтайском крае, как и в других регионах России и Сибири, происходило качественное изменение характера и динамики процессов в сфере доходов населения. В 1990-х гг. основными тенденциями этой сферы являются падение реальных доходов и покупательной способности, сокращение трудовых и рост предпринимательских доходов в общей структуре доходов населения, рост бедности и резкое усиление социальной дифференциации. Анализ динамики показателей доходов населения Алтайского края на фоне регионов Сибирского федерального округа и России в первом десятилетии рыночных реформ позволил выявить более острый характер проявления большинства негативных процессов, среди которых — более значительные по масштабам (до полутора-двух раз) в сравнении с российским уровнем падение реальных доходов и покупательной способности населения, снижение доли заработной платы в доходах, рост бедности населения.

В годы экономического роста Алтайский край характеризовался положительной динамикой реальных доходов, оплаты труда и других показателей уровня жизни. Регион отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной и СФО. Тем не менее по большинству показателей доходов по-прежнему сохраняется значительное отставание. Краю не удалось вплотную приблизиться к более низким российским показателям уровню бедности, по-прежнему регион занимает самые низкие позиции в Сибири по доходам и заработной плате.

Несмотря на негативные изменения реальных доходов населения и бедности в Алтайском крае в период глобального экономического кризиса, эти изменения оказались неустойчивыми. Позитивные процессы

в сфере доходов населения в Алтайском крае и России в годы экономического роста и их восстановление с 2010 г. определяются во многом социально-экономической политикой по борьбе с бедностью и социальным расслоением, по формированию позитивной социально-экономической мобильности и поддержке социального развития села. Получен значимый эффект от действий государства по социально-экономической поддержке села.

4.3. Социальные эксклюзии на сельском рынке труда и их воздействие на активность населения

Мощным фактором и результатом трансформационных процессов активности россиян на рынке труда являются социальные эксклюзии. Социально-политические и экономические преобразования в российском обществе привели к обострению ранее существовавших и возникновению новых социальных эксклюзий.

Обычно к ситуациям социальной эксклюзии зарубежные исследователи относят безработицу, особо выделяя ее хронические формы, вынужденную неполную занятость, теневые формы социально-экономической активности, бедность и различного рода дискриминации (по полу, возрасту, месту жительства, этническим характеристикам и др.). Результаты изучения социальных эксклюзий на сельском рынке труда позволили нам выявить разнообразные, в т. ч. специфические, формы их проявления в российских регионах [180, с. 160–196]. Основными формами проявления социальных эксклюзий являются: 1) *безработица* как эксклюзия от гарантий государства в сфере занятости, от оплачиваемой работы; 2) *бедность* как эксклюзия от средств к существованию в ситуации безработицы и занятости; 3) *неправовые трудовые практики, значительные масштабы теневого рынка труда*, поскольку здесь трудовые права работников не соблюдаются и не могут быть защищены государственными и общественными институтами; 4) *эксклюзия от информации*, приводящая к нарушениям основных прав и свобод человека в социально-трудовой сфере; 5) *эксклюзия от сетей социальной безопасности*, социального страхования.

По данным опроса населения, сельский рынок труда в годы реформ характеризовался колоссальными масштабами распространения социальных эксклюзий: не менее 2/3 респондентов попадали в ситуации социальной эксклюзии, в т. ч. около 30% находились на момент опроса в состоянии социальной эксклюзии (табл. 4.7–4.8).

Таблица 4.7

**Формы социальной эксклюзии на сельском рынке труда
в 2002 г., %**

Характеристики	Всего	В том числе:		
		Алтайский край	Новосибирская область	Республика Алтай
Не имеют работы более 1 года (безработные)	64,4	57,4	63,6	86,4
Сталкиваются с задержками по заработной плате (наемные работники)	60,2	56,0	64,7	65,0
Средняя задержка по заработной плате, мес. (наемные работники)	5	6	4,5	2
Установлена необоснованно низкая заработная плата (наемные работники)	74,7	81,0	71,3	58,0
Выплата заработной платы производится преимущественно в натуральной форме (наемные работники)	20,3	18,0	27,8	7,0
Доля натуроплаты в оплате труда (наемные работники)	35	44	27	27
Ненормируемый рабочий день, высокая интенсивность труда (наемные работники)	30,2	27,0	34,4	31,0
Отказ в предоставлении очередного отпуска, сокращенный отпуск (наемные работники)	10,4	7,5	13,6	13,0
Отсутствие компенсаций за работу во вредных условиях (наемные работники)	15,8	8,6	24,0	22,0
Отсутствие пенсионного страхования (самозанятые)	28,7	28,9	15,0	42,1
Плохое материальное положение семьи (бедные)	41,1	46,1	40,6	21,1

Таблица 4.8

**Состояние социальной эксклюзии различных групп
сельского населения в 2002 г., %**

Характеристики	Уверены	Обеспо- коены	Напря- жены	Равно- душны
В целом по массиву	19,4	57,1	12,5	10,5
Пол				
Мужчины	23,1	54,3	10,6	11,5
Женщины	15,5	60,0	14,6	9,6
Возраст				
Лица младшего трудоспособного возраста	25,0	50,4	9,7	13,1
Лица среднего трудоспособного возраста	18,9	61,0	11,2	8,9
Лица старшего трудоспособного возраста	17,4	58,0	14,2	0,2
Место жительства				
Проживающие:				
в Алтайском крае	14,2	63,2	12,9	9,2
в том числе в районах:				
урбанизированных	11,3	57,7	25,4	5,6
слабоурбанизированных	14,7	58,0	12,7	14,0
неурбанизированных	14,5	66,2	10,6	8,1
в Новосибирской области	17,0	60,5	14,5	7,4
в Республике Алтай	47,2	22,5	6,3	23,9
Образование				
Лица с высшим и средним профобразованием	20,9	58,4	12,3	8,0
Лица с начальным профобразованием	14,2	58,2	12,8	12,2
Лица, не имеющие профобразования	29,2	49,0	13,1	15,9
Статус занятости				
Наемные работники	18,5	58,0	12,6	10,5
Самозанятые	25,4	59,7	7,5	6,7
Безработные	18,8	45,5	18,8	10,5
Отраслевая занятость				
Лица, занятые:				
в сельском хозяйстве	18,5	58,1	11,5	11,1
в торговле	20,9	51,2	16,3	11,6
в отраслях социальной сферы	18,1	59,9	14,8	7,1
в других отраслях	24,6	51,5	12,3	11,5

При этом эксперты (руководители и специалисты региональных и муниципальных органов управления, районных центров занятости) отметили низкий уровень информированности селян о своих трудовых правах

(в т. ч. безработных — о вакансиях, наемных работников — об условиях и оплате труда). Об этом же свидетельствуют и данные опроса населения (табл. 4.9–4.10).

Таблица 4.9

**Распределение ответов сельских жителей на вопрос
«Знаете ли Вы свои трудовые права?»,
% от численности группы (2002 г.)**

Ответы	Всего	Алтайский край	Новосибирская область	Республика Алтай
Да, в основном представляю свои трудовые права	60,4	55,1	67,0	67,6
Что-то слышал об этом	27,5	33,8	21,3	19,0
Ничего не знаю об этом	11,3	11,1	11,6	12,0
Другое	0,9	0	0	1,4

Таблица 4.10

**Распределение ответов сельских жителей на вопрос
«Нарушаются ли Ваши трудовые права?»,
% от численности группы (2002 г.)**

Ответы	Всего	Алтайский край	Новосибирская область	Республика Алтай
Нет	20,3	18,0	18,5	32,4
Трудовые права в основном соблюдаются	34,1	27,9	44,9	30,3
Нарушаются иногда	14,7	17,7	10,2	13,4
Нарушаются постоянно	13,5	19,5	8,0	2,1
Затрудняюсь ответить	17,6	17,0	18,5	21,8

Безработица. Одним из наиболее ярких проявлений социальных эксклюзий на сельском рынке труда является безработица — как реальная, так и потенциальная (последняя, в частности, выражается в опасности потерять работу). Согласно результатам опроса почти половина всех сельских наемных работников (44%) в той или иной степени испытывает опасение потерять свое место работы, в т. ч. почти каждый десятый ощущает постоянную тревогу. Такая тревога связана в основном с плохим положением предприятия, где они заняты, его возможной ликвидацией и уже постоянно происходящими сокращениями рабочих

мест (так считает каждый третий представитель рассматриваемой категории), а также с невозможностью, по мнению самих работников, найти другую работу (20%).

Проблема отсутствия рабочих мест на сельском рынке труда являлась в 2000-х гг. также причиной вынужденной неполной занятости и главным сдерживающим фактором в желании сменить место работы. Именно эта причина останавливала в начале прошедшего десятилетия 43% сельских наемных работников и около 1/3 самозанятых в стремлении в ближайшее время сменить место работы. Лишь каждый третий самозанятый совершил выбор своего вида деятельности свободно, остальные выбрали данное занятие вынужденно, главным образом из-за отсутствия другой подходящей работы, низкого уровня жизни и стремления выжить.

Дефицит подходящих рабочих мест на селе является основной причиной крупномасштабной реальной безработицы, в т. ч. в хронической форме. Уровень общей безработицы в селах Алтайского края, рассчитанный Л. В. Родионовой по методике МОТ, составил в 2002 г. 9% [180, с. 165]. Однако, по оценкам экспертов, реально каждый четвертый сельский житель является безработным, а в отдельных поселках — даже каждый второй¹.

На момент опроса почти две трети всех опрошенных сельских безработных (64%) не имели работы более года. Причем каждый десятый из них был готов согласиться на любую работу, и лишь каждый третий ожидал подходящие условия для работы. Только 11% безработных активно искали работу по найму и были готовы приступить к ней «хоть завтра», и столько же среди них оказалось тех, кто уже отчаялся найти какую-либо работу. Каждый четвертый безработный занимался ЛПХ, но значительная их часть (свыше 40%) делала это вынужденно ввиду отсутствия другой работы.

Кроме причин увольнения безработного с последнего места работы, связанных непосредственно с респондентом (его здоровье, семейные обстоятельства) и его неудовлетворенностью самой работой (низкая оплата труда, ее задержки, натурализация выплат, ненормируемый рабочий

¹ Отметим, что значительные различия в статистических и экспертных оценках можно объяснить тем, что эксперты, по всей видимости, учитывают не только реальную, но и скрытую безработицу (занятость в условиях отсутствия оплаты труда либо крайне низкого ее уровня, да еще выплачиваемого зачастую в натуральной форме). Это свидетельствует о наличии значительной излишней рабочей силы (примерно 25% сельского населения) и назревшей необходимости реорганизации существующих либо создания новых эффективных рабочих мест. Полученная экспертная оценка объемов излишней рабочей силы в Алтайском крае и в двух других обследованных регионах Сибири совпадает с аналогичной оценкой, представленной В. П. Васильевым [26, с. 12] и другими авторами.

день, высокая интенсивность труда и др.), назывались «внешние» причины увольнения (не зависящие от его желания), связанные с активным сокращением в 1990-х гг. рабочих мест (сокращение штатов или ликвидация предприятия, окончание срока временной работы). При этом значимость «внешних» причин в увольнении сельских безработных в рассматриваемых регионах связана с уровнем социально-экономического неблагополучия региона: их доля в Республике Алтай самая высокая — 41%, в Алтайском крае она ниже — 31%, и в относительно благополучной Новосибирской области — только 18%.

Конкретными проблемами, возникающими у сельских безработных при поиске работы, являлось в 57% случаев отсутствие рабочих мест с нормальным уровнем, стабильной заработной платой и в половине случаев — рабочих мест по специальности. Кроме того, каждый четвертый-пятый отметил недостаточный уровень образования и квалификации, отсутствие профессионального опыта, состояние здоровья и преклонный возраст. Часть безработных, стремящихся открыть собственное дело, столкнулась с проблемами отсутствия необходимых денежных средств и знаний по организации бизнеса. Только 6% безработных селян не имели никаких проблем при поиске работы.

Исключение экономически активного населения из сферы занятости является острой социальной проблемой. Безработица, по оценкам экспертов, приводит к снижению доходов, потере квалификации и трудовых навыков, ухудшению здоровья, ограничению круга общения, ощущению своей бесполезности, нравственной и психологической деградации личности, росту алкоголизма, усилению социальной напряженности на рынке труда. Эксперты считают, что, кроме дефицита подходящих рабочих мест, наличие структурной безработицы на селе обусловлено отчасти и низким качеством рабочей силы, низким уровнем образования и деквалификацией сельских работников за годы рыночных реформ, их нежеланием работать, деградацией.

Оплата труда и бедность. Заработная плата в настоящее время по-прежнему остается основным источником доходов селян. Ее получают $\frac{3}{4}$ опрошенных, и эта доля практически не изменилась с 1992 г. (77%). Структура других статей доходов существенно трансформировалась. Так, в годы реформ столь же важным источником доходов, как и заработная плата, стали доходы от личного подсобного хозяйства: от 74 до 83% респондентов, по разным оценкам, имели такие доходы в 2002 г., в 1992 г. их было почти в два раза меньше. В начале 2000-х гг. ЛПХ давало большинству селян, его имеющих (60% ответов), хотя и незначительный доход,

но позволяет семье выжить, и треть из них получает значительный дополнительный доход от его ведения. В среднем доходы от ЛПХ составляют в семейном бюджете сельских жителей свыше 40% всех доходов. Около 50% респондентов являются владельцами высокотоварных хозяйств, они продают на рынке половину и более выращенной сельхозпродукции.

Значительно выросла за годы реформ доля сельских жителей, получающих предпринимательские доходы, — почти в шесть раз (с 1,5 до 9%). Небольшую величину составила в 2002 г. доля тех, кто получил различные займы и кредиты — 2%, однако она тоже многократно выросла (в пять раз). Удельный вес получающих социальные трансферты увеличился в первую очередь за счет появления категории зарегистрированных безработных — в полтора раза (с 5 до 8%). И при этом более чем на треть сократилась доля получающих помощь родственников (с 8 до 13%).

Дополнительную работу, кроме занятий ЛПХ, в начале 2000-х гг. имели на селе, по разным оценкам, только 11–14% опрошенных, и доля таковых возросла за предшествующие десять лет более чем в два раза. Дополнительная работа приносит им в среднем за год 20–25% всех доходов.

Сельские жители и эксперты отмечают высокий уровень нарушений в сфере оплаты труда. Так, среди сельских наемных работников 60% респондентов сталкивались с задержками заработной платы, свыше 55–75% (по разным оценкам) — с установлением необоснованно низкого ее уровня, 20% — с ее выплатой преимущественно в натуральной форме, 9% — с неоплатой либо частичной оплатой сверхурочных работ (табл. 4.7). Средний срок задолженности по оплате труда для представителей рассматриваемой группы селян составлял в 2002 г. пять месяцев, для каждого двадцатого она превышала 2–3 года.

Оценивая справедливость оплаты труда, подавляющее большинство (точнее 3/4) сельских наемных работников отмечают, что их труд оценивается низко, не в соответствии с их трудовым вкладом и квалификацией, в т. ч. довольно существенна доля тех, кто считает, что их труд практически не оплачивается (12%). Более позитивны оценки сельских самозанятых-предпринимателей, не использующих наемный труд, членов небольших коллективных предприятий (типа кооперативов), а также занятых индивидуальной трудовой деятельностью и ЛПХ как основным видом занятий. Почти в половине случаев (48,5%) ими отмечается справедливость вознаграждения их труда, и среди них почти в два раза меньше по сравнению с наемными работниками тех, кто считает, что их труд оплачивается низко. При этом притязания селян в отношении справедливого уровня оплаты труда имеют большой разброс: от 500 до 40 тыс. руб. и составляют

в среднем 5 тыс. руб., т. е. менее трех прожиточных минимумов при среднем составе сельской семьи — 3,5 чел.

Фактором, заметно снижающим социально-экономическую активность селян, является сравнительно высокая доля натуроплаты в общей оплате труда. Как показали результаты исследования, натуроплата используется на сельских предприятиях, где работают свыше половины всех опрошенных наемных работников, и составляет в среднем 35% от выплачиваемой суммы. Как уже отмечалось, для каждого пятого сельского наемного работника такой вид оплаты стал основным, отдельные работники не получали заработную плату в денежной форме 10 и более лет. Распространенными видами натуроплаты являются зерно и корма (почти в $\frac{3}{4}$ случаев), а также мясо (каждый третий случай), в каждом седьмом-десятом случае — молоко, молодняк животных, дрова и уголь. Встречаются варианты оплаты и иными, помимо указанных, видами продуктов питания. Что касается самозанятых, то в подавляющем большинстве случаев оплата их труда производится деньгами (99% случаев), лишь изредка встречается оплата продуктами питания (как отмечает каждый десятый представитель данной группы респондентов), кормами и молодняком животных.

Оплата труда являлась в рассматриваемый период главной причиной увольнения с работы по собственному желанию, в первую очередь в связи с низким ее уровнем (по этой причине уволился каждый третий опрошенный безработный) и задержками (каждый пятый безработный), а также и в связи с выплатой преимущественно в натуральной форме.

В годы экономических реформ наблюдалось массовое обнищание сельского населения. По мнению экспертов трех регионов Сибири, бедность на селе охватила около или свыше половины всего населения (оценки колеблются от 44–45% до 58%). Причем только за несколько лет после дефолта 1998 г. также происходило ухудшение материального положения сельских жителей. В начале 2000-х гг. на селе чуть выше доля тех, чье положение ухудшилось, в сравнении с теми, чье положение улучшилось (28 против 21%), для почти половины селян изменений не произошло.

В результате значительно (в 2,3 раза — с 18 до 41%) возросла доля бедных сельских семей, по оценкам которых их материальное положение таково, что «Средств хватает только на питание» или они «Еле сводят концы с концами, семья практически голодает». При этом доля последней, наиболее неблагополучной группы выросла в 3 раза (с 2 до 6%). Соответственно сократились доли семей со средним материальным положением («Живем нормально, средств хватает на все самое необходи-

мое») и обеспеченных семей («Живем, ни в чем себе не отказывая»): первых — на 17% (с 62 до 53%), вторых — в 4 раза (с 12 до 3%).

Эксперты и сельские жители относят факторы материального благополучия к категории высокозначимых факторов активности на рынке труда. Как уже отмечалось в пункте 4.1, среди сельских жителей несколько выше в сравнении с горожанами доля лиц, реализующих «пассивную стратегию». Причем «пассивная стратегия» характерна в первую очередь для многочисленной категории бедных селян (*табл. 4.5*).

В условиях бедности сельские жители вынуждены реализовывать специфические стратегии поведения. Так, при длительных задержках заработной платы около половины наемных работников живут главным образом за счет ЛПХ. Лишь каждый пятый добивается выплаты заработной платы, обращаясь к директору, в администрацию предприятия. Результатом такой активности чаще всего являются частичная выплата заработной платы в натуральной форме, покупка продуктов в магазине предприятия «под зарплату». Используются также различные способы сохранения имеющихся и получения дополнительных доходов: селяне берут деньги в долг у родственников или друзей (каждый пятый) или обращаются к ним за помощью (6%), занимаются сбором грибов, ягод и других «даров природы», рыбачат (5%) и «экономят на всем». В целом активность бедных на рынке труда характеризуется более частой реализацией традиционных и деструктивных стратегий адаптации к новым экономическим условиям в сравнении с активностью более благополучных в материальном отношении сельских жителей.

В оценке динамики материального положения сельского населения в 2000-х гг. произошли позитивные сдвиги [4]. К концу периода экономического роста (в 2008 г.) к бедным и обездоленным себя отнесли только 16% респондентов, причем с возрастом сельские жители более склонны считать себя бедными (*табл. 4.11*). Как среднее оценили свое материальное положение 75% респондентов, свыше 7% отметили, что живут обеспеченно, и 0,5% — зажиточно. По сравнению с опросом 2002 г. значительно (в 2,7 раза) сократилась доля бедных и очень бедных, возросли удельные веса средней группы (в 1,4 раза) и богатых (в 2,3 раза). В два раза сократилась бедность в группе с высшим образованием, в полтора раза — с неполным высшим и средним профессиональным, а в группах с более низким образованием эта доля практически не изменилась. В небольших селах происходило более интенсивное сокращение бедности и пополнение среднеобеспеченной группы по сравнению с крупными селами.

Таблица 4.11

**Оценка сельским населением трудоспособного возраста
материального положения своей семьи и своего
социально-психологического состояния в 2002 и 2008 гг., %**

	2002	2008
Материальное положение		
Очень бедно (денег иногда не хватает даже на питание)	6,3	1,6
Бедно (на скромное питание, оплату коммунальных услуг денег хватает, а на приобретение одежды и других вещей — нет)	34,8	13,9
Средне (на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить)	53,2	75,1
Обеспеченно (есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни) и богато (не отказывая себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают)	3,4	7,9
Затрудняюсь ответить	2,3	1,5
Социально-психологическое состояние		
Испытываю сильное напряжение, раздражение, ощущаю отсутствие какой бы то ни было перспективы	12,5	10,4
Испытываю некоторое беспокойство, неуверенность в будущем	57,1	39,1
Состояние равнодушное, испытываю апатию ко всему	10,5	12,1
Уверен в настоящем и с оптимизмом смотрю в будущее	19,4	25,8
Затрудняюсь ответить	0,5	12,6

Условия труда и неправовые трудовые практики. Российские ученые (Т. Заславская, Л. Косалс, В. Радаев, Р. Рывкина, М. Шабанова и др.) отмечают широкое распространение неформальных, неправовых трудовых отношений на рынке труда. Данные нашего исследования показывают, что село не является исключением. Подавляющее большинство (87%) опрошенных сельских наемных работников работают полный рабочий день, остальные 3% заняты частично, т. е. работают неполные рабочий день, неделю или месяц, по скользящему графику. Основная масса работающих оформлена по трудовому договору либо контракту, но примерно каждый десятый (9%) оформлен на основе устной договоренности (табл. 4.7). Причем в относительно благополучной Новосибирской области такая форма найма применяется чаще, чем в менее благополучных регионах: примерно в четыре раза больше, чем Алтайском крае, и примерно вдвое — по сравнению с Республикой Алтай.

Главными проблемами сельских наемных работников, связанными с условиями труда, является в целом их неблагоприятный характер («Физически тяжелая работа», «Вредные условия», «Условия труда опасны для жизни»), ненормируемый рабочий день и высокая интенсивность труда. Кроме того, наемные работники сталкиваются с такими проблемами, как несоблюдение правил техники безопасности, принудительные отпуска и сокращенный рабочий день. Указанные проблемы также часто становятся причинами увольнений. Так, каждый седьмой сельский безработный (14%) уволился с последнего места работы из-за ненормируемого рабочего дня, высокой интенсивности труда и каждый десятый — из-за его физической тяжести и вредных условий.

Сельские самозанятые также в основном заняты на постоянной основе, лишь 17% из них имеют сезонную, временную или разовую работу. Половина представителей рассматриваемой группы зарегистрировала свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, 16% зарегистрировали предприятие и более 1/3 работают без регистрации и оформления документов. Самозанятые выполняют в основном сельскохозяйственные работы или заняты в торговле (45 и 38% соответственно). Среди последних сравнительно большую долю представляют «перекупщики» (мяса, кожсырья и др.). Кроме того, встречается самозанятость, связанная со сбором и переработкой «даров природы» (ягод, грибов и др.), оказанием транспортных услуг, рукоделием, пошивом и ремонтом одежды, обуви. Основными потребителями продукции и услуг самозанятых является население, реже — частные предприниматели (23% ответов), предприятия и учреждения (12%).

Условия труда самозанятых в значительной мере определяются их хозяйственными проблемами. К последним относятся в первую очередь недостаток собственных средств для развития дела (так считает почти половина представителей данной группы), каждый четвертый отметил высокие налоги, проблемы реализации товаров и услуг, отсутствие клиентов, заказчиков, а также недоступность кредитов.

В целом большинство экспертов (свыше 60%) отмечают сравнительно широкую распространенность неформальных трудовых отношений на сельском рынке труда, практикуемых в основном на предприятиях торговли и общепита, строительства и сельского хозяйства. Как отмечают исследователи (З. Калугина, В. Кузнецов, А. Никулин, А. Тарасов, О. Фадеева и др.), масштабы неформальной занятости в аграрной экономике напрямую зависят от экономического положения сельскохозяйственных предприятий [77–81, 98, 99, 107, 154, 182, 204, 205]. При этом

чем ниже уровень социально-экономического развития такого предприятия, тем большую роль в выживании семей играет личное подсобное хозяйство. Экономически сильные хозяйства не только снижают потребность работников в ведении крупных ЛПХ, но и значительно улучшают условия его ведения за счет оказываемой помощи.

Эксклюзия от сетей социальной безопасности, социального страхования проявляется для наемных работников в наличии таких проблем, как отсутствие компенсаций при производственных травмах, за работу во вредных условиях и сверхурочную работу, сокращенный отпуск и отказ в его предоставлении, реже — невыплаты по больничным листам, отсутствие медицинского полиса и пенсионного страхования (табл. 4.7). Самозанятых же волнует главным образом последняя из названных проблем — отсутствие медицинского и пенсионного страхования (29 и 25% ответов). Кроме того, они выделили такие важные для себя проблемы, как ненормированный рабочий день, работа без выходных и отпуска, сверхнормативная физическая нагрузка. Безработные отметили проблемы, связанные с ограниченностью рабочих мест и регистрацией в центрах занятости, в т. ч. вследствие механизмов сдерживания постановки на учет (табл. 4.7).

В ходе исследования выявлен **особый сельский феномен в проявлении социальных эксклюзий**. Во-первых, это эксклюзия от территориальной доступности вакантных рабочих мест и учреждений образования, повышения квалификации в географически близких населенных пунктах, услуг государственной службы занятости и, во-вторых, эксклюзия от выбора некрестьянского образа жизни. Резкое сокращение объемов сельскохозяйственного производства в коллективных хозяйствах, неразвитость социальной инфраструктуры вынуждают практически все сельское население вести личное подсобное хозяйство, опираясь на тяжелый физический, немеханизированный труд членов своей семьи [77–81; 154; 180, с. 160–196; 204; 205].

Специфика сельского рынка труда, где положение наемного работника крайне неустойчиво и незащищено, нашла свое отражение в выборе опрошенными селянами предпочтительных сфер своей занятости. В случае реального выбора почти половина всех респондентов предпочла иметь собственное дело и ни от кого не зависеть, только треть опрошенных пожелала быть наемными работниками, заниматься исключительно семейным крестьянским хозяйством согласились бы только 7% респондентов.

Ситуации эксклюзии вызывают напряжение, беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей, определяемое совокупностью всех вышеназванных факторов. На это указали более 70% селян, в т. ч. 13% ощущают сильное напряжение, отсутствие какой бы

то ни было перспективы, находятся на грани нервного срыва. И каждый десятый в таких условиях остается равнодушным, испытывает апатию ко всему (табл. 4.8). В этой категории оказались практически все бедные и безработные (особенно не имеющие работы длительное время). Указанные негативные состояния и ощущения более остро переживали женщины, представители среднего и старшего трудоспособного возраста, лица с низким уровнем квалификации.

Особое внимание в социальной политике должно быть уделено жертвам эксклюзии (эксклюзантам), т.е. группе сельских жителей, оказавшихся одновременно в ситуации эксклюзии и переживающих это состояние или, другими словами, находящихся в неблагоприятном социально-экономическом и психосоциальном положении. К последним, как уже указывалось в пункте 3.1, относятся «напряженные» и «равнодушные» эксклюзанты (лица, находящиеся в состоянии либо напряжения, либо апатии, равнодушия ко всему). Наиболее значительная корреляционная зависимость обнаружена между состоянием эксклюзии и ситуацией эксклюзии от средств существования. Среди бедных к эксклюзантам относится почти каждый третий или 15% от общей численности сельских жителей (табл. 4.12).

Таблица 4.12

Оценка состояния эксклюзии сельских жителей, находящихся в ситуации эксклюзии (2002 г.)

Социальные группы	Доля, оценивающих свое состояние, %			
	Уверены	Обеспокоены	Напряжены	Равнодушны
В целом по массе	19,4	57,1	12,5	10,5
Бедные («Средств хватает только на питание» или «Еле сводят концы с концами, практически голодают»)	7,7	60,4	19,7	11,5
Наемные работники в ситуации социальной эксклюзии (низкая зарплата, задержки по ее выплате, натуроплата)	15,6	58,8	14,2	11,0
Самозанятые в ситуации социальной эксклюзии (несправедливое вознаграждение за труд)	9,3	70,4	9,3	9,3
Безработные				
В целом	18,8	45,5	18,8	15,8
Не имеющие работы более 1 года	16,9	46,2	24,6	12,3

В то же время среди более благополучных в материальном отношении селян «напряженных» оказалось почти три раза меньше.

Характеристики состояния эксклюзии также существенно различаются в зависимости от статуса занятости на рынке труда и имеющихся в связи с этим ситуаций эксклюзии. К эксклюзантам относятся 35% безработных, 25% наемных работников (сталкивающихся с проблемами низкой оплаты труда, ее задержек и натуроплатой и при этом оценивающих несправедливость этой ситуации), а также 19% самозанятых (низко оценивающих получаемое вознаграждение за свой труд). В совокупности эти группы составили около 20% селян, в т. ч. в их число вошло свыше половины «напряженных» эксклюзантов. Таким образом, анализ взаимосвязи различных ситуаций и состояний эксклюзии показал, что ими охвачено от 15 до 20% всех сельских жителей (*табл. 4.12*).

Оценка населением своего социально-психологического состояния более оптимистична по сравнению с началом десятилетия. В 2008 г. «уверенных оптимистов» на селе было более 26%, в 2002 г. — менее 20%. Значительно меньше стало тех, кто испытывает некоторое беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей: 39% против 57% в 2002 г. Несущественно, преимущественно в сторону сокращения, изменились доли групп, относящихся к психологически неблагополучным: равнодушных и тех, кто ощущал на момент опроса сильное напряжение (*табл. 4.11*). Более позитивно оценивают свое социально-психологическое состояние молодежь (в два раза выше), мужчины и жители с относительно высоким уровнем образования. Основными сферами неудовлетворенности являются материальное положение, работа, бытовые условия, качество и обеспеченность жильем.

Анализ основных социально-экономических и социально-демографических характеристик респондентов, находящихся в ситуации и состоянии эксклюзии, по результатам опросов населения и экспертов оценок показал, что в их число попадают бедные или низкооплачиваемые работники (преимущественно занятые в сельском хозяйстве), длительно или постоянные безработные, а также безработные в семьях с низким материальным положением, представители старшего трудоспособного возраста (преимущественно старше 50 лет), лица с низким уровнем образования (часто без профессионального образования), женщины, а также злоупотребляющие алкоголем (*табл. 4.8–4.12*). Соответственно именно такие категории сельских жителей и являются основными группами риска социальной эксклюзии.

В условиях развития рыночных отношений усиливается взаимосвязь активности населения и социальных эксклюзий на сельском рынке тру-

да. Группы населения, реализующие конструктивные и инновационные стратегии поведения (такие, как открытие и расширение бизнеса, рост интенсивности труда, поиск основной работы, дополнительная занятость, трудовая миграция, требование повышения заработной платы и регулярности ее выплат), имеют более высокие доходы и лучшее материальное положение в целом, в меньшей степени подвержены риску социальной эксклюзии либо сумели преодолеть такую ситуацию (табл. 4.13).

Таблица 4.13

Стратегии поведения бедных групп сельских наемных работников на рынке труда, % (2002 г.)

Действия	Сельские наемные работники	в том числе работники		
		постоянно бедные	новые бедные	бывшие бедные
Добивался повышения уровня зарплаты	14,6	12,5	7,3	31,3
Добивался регулярности выплат заработной платы	15,8	10,0	13,6	18,8
Добивался увеличения социальных гарантий (пенсион. страхование и т.д.)	1,4	2,5	0,9	6,3
Увеличивал интенсивность, производительность труда	25,1	27,5	27,3	31,3
Снизил трудовую нагрузку	5,4	5,0	3,6	6,3
Участвовал в реализации продукции предприятия	10,7	5,0	13,6	12,5
Использовал оборудование предприятия в целях дополнительного заработка	4,8	7,5	2,7	0,0
Искал другое основное место работы	21,4	25,0	24,5	37,5
Искал дополнительную работу	14,9	10,0	20,9	31,3
Продавал, сворачивал ЛПХ	7,0	12,5	10,9	0
Ушел с дополнительной работы	2,0	2,5	0,0	0,0
Повышал образование, квалификацию	23,9	12,5	23,6	6,3
Пытался открыть свой бизнес	7,0	0,0	3,6	25,0
Ничего не предпринимал	13,2	20,0	16,4	0,0

Социально-экономическая активность социальных групп, находящихся в ситуации эксклюзии, характеризовалась более частой реализацией традиционных и деструктивных стратегий адаптации к новым экономическим условиям. К ним относятся занятость в ЛПХ, различ-

ные формы неформальной низкоэффективной занятости (например, батрачество). Каждый пятый «постоянно бедный» и 16% «новых бедных» не предпринимали специально никаких действий для улучшения своего положения на рынке труда за 10 лет рыночных реформ (среди «бывших бедных» таковых нет).

На основе оценок экспертов, результатов опроса населения, а также корреляционного анализа состояния экономики, поведения населения на рынке труда, деятельности государственной службы занятости и ряда других статистических показателей нами получена сводная таблица оценки значимости факторов и механизмов, детерминирующих активность населения на рынке труда и возникновение (обострение) или преодоление социальных эксклюзий (табл. 4.14).

Эти факторы в значительной степени являются общими как для активности, так и для ситуации и состояния эксклюзии. К важнейшим из них относятся состояние экономики и социально-экономическая политика, положение населения на рынке труда, его интересы и мотивация, что подтверждает результаты общего анализа факторов и механизмов трансформации активности населения на рынке труда, проведенного в теоретической части данной работы (п. 4.1).

Таблица 4.14

Оценка значимости факторов и механизмов формирования активности населения и социальной эксклюзии на сельском рынке труда (2002 г.)

Факторы	Активность на рынке труда	Ситуация эксклюзии	Состояние эксклюзии
Состояние экономики	+++	+++	
Социально-экономическая политика	+++	+++	
<i>Характеристики населения, в т. ч.:</i>			
Пол	-	++	-
Возраст, здоровье	+	++	-
Место жительства	+++	++	++
Образование, опыт, квалификация	++	++	+
Статус занятости	+++	+++	+
Отраслевая принадлежность занятия	++	++	-
Материальное положение семьи	+++	+++	+++
Активность на рынке труда		++	++
<i>Условные обозначения</i>	- — отсутствие связи + — слабая связь ++ — существенная связь +++ — сильная связь		

Результаты анализа социальных эксклюзий на сельском рынке труда в годы рыночных реформ свидетельствуют о крайне неблагоприятном социально-экономическом положении сельских жителей, массовых нарушениях их социально-трудовых прав, главным образом в сфере оплаты и условий труда. Это проявлялось в чрезвычайно низком уровне оплаты труда, значительных по масштабам ее задержках и высокой степени ее натурализации, сверхнормативной физической тяжести труда, отсутствии условий для профессионального роста и повышения квалификации, компенсаций за работу во вредных условиях и сверхурочную работу, работу без отпусков, отсутствии ряда таких социальных гарантий, как пенсионное и медицинское страхование, компенсаций по больничным листам, при производственных травмах, что в конечном счете приводит к разрушению трудовой и инновационной мотиваций и формирует высокий уровень бедности. Значительные нарушения встречались при трудоустройстве и увольнении с предприятия, а также при регистрации безработных. Эти нарушения выражались в высоком уровне реальной и скрытой безработицы, оформлении на работу без контракта, трудового договора, трудовой книжки, увольнении в первую очередь слаботзащищенных категорий работников, задержках по выплате пособия по безработице и др.

В целом село в годы рыночных реформ характеризовалось высокой долей «плохих» рабочих мест, формирующих ситуации социальной эксклюзии, занятостью в низкоэффективных сегментах экономики, развитием в 2000-х гг. феномена батрачества. Масштабы проявления большинства негативных процессов, происходящих на сельском рынке труда, намного значительнее, чем в городе. В 2000-х гг. налицо значительные позитивные изменения в социально-экономическом положении сельских жителей, что отразилось на улучшении их социально-психологического состояния.

На активность на сельском рынке труда значительно влияют социально-экономические (доходы, уровень образования и квалификации, отраслевая принадлежность основного занятия, статус занятости), социально-демографические (пол, возраст, здоровье) и социально-территориальные характеристики положения населения (статус села — места жительства, его людность, близость к городам). Наиболее выигрышное положение на рынке труда занимали представители среднего трудоспособного возраста, получатели средних по размерам доходов, жители крупных сел, преимущественно районных центров, урбанизированных

районов, квалифицированные работники с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, занятые предпринимательством и торговлей, мужчины.

Напротив, проигрышные позиции были характерны для бедных или низкооплачиваемых работников, длительно или постоянных безработных, а также безработных в семьях с низким материальным положением, женщин, неквалифицированных работников с низким уровнем образования (часто без профессионального образования), занятых в сельском хозяйстве, молодежи (младше 25 лет) и представителей старшего трудоспособного возраста (преимущественно старше 50 лет), жителей малых периферийных сел, а также злоупотребляющих алкоголем. Представители этих категорий населения чаще находились в неблагоприятном психосоциальном состоянии, точнее в состоянии напряжения либо, напротив, апатии, равнодушия ко всему. Именно они достаточно часто неспособны решить проблемы своей занятости и доходов самостоятельно, без помощи государства и других субъектов социальной политики, а также без коллективной взаимопомощи, развитых социальных сетей.